

Тартуский университет
Философский факультет
Институт германской, романской и славянской филологии
Отделение славянской филологии
Кафедра славянской филологии

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ЧЕШСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В «ЧЕШСКО-НЕМЕЦКОМ СЛОВАРЕ»
Й. ЮНГМАННА

Бакалаврская работа
студентки отделения
славянской филологии
Анастасии Злобиной

Научный руководитель –
лектор И. В. Абисогомян

Тарту 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. Идеологическая и языковая программа чешского НВ: экскурс в историю чешского языка и основные положения доктрины	6
1.1 Краткий обзор истории чешского языка до начала НВ.....	6
1.1.1 <i>От первых зафиксированных надписей на чешском языке до расцвета языка в XVI веке</i>	6
1.1.2 <i>Чешский язык в период «тьмы»</i>	8
1.2 Основные положения программы эпохи НВ.....	10
1.3 Йозеф Юнгманн и его роль в создании программы чешского НВ	17
ГЛАВА II. Идеологические и национальные концепты чешского Национального Возрождения в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна	19
2.1 Концепт: его место в языке и культуре.....	19
2.2 Отражение концепта в словаре и его идеологическая составляющая	20
2.3 Концепты из словаря Й. Юнгманна	21
2.4 Анализ «национальных» и «идеологических» концептов на материале «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна.....	23
2.4.1 <i>«Идеологические» концепты</i>	23
2.4.2 <i>«Национальные» концепты</i>	39
Заключение	52
Kokkuvõte	55
Список литературы	57
Словари	65
Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks	66

Введение

Язык как предмет исследования привлекает внимание ученых с незапамятных времен. Уже в античную эпоху философов занимали вопросы языка и его строения (Античные теории 1996, 9–32; Аристотель 1998, 1113–1166). Немецкий философ XVIII века Иоганн Готфрид Гердер писал, что язык — это то, что отличает человека от животного (Гердер 1959, 139–140). Однако если язык сам по себе является категорией, прежде всего, лингвистической, хотя и обладающей «свойством социальной предназначенности» (Кибрик 1990, 604), то язык национальный — это категория социально-историческая, которая представляет собой одновременно не только условие, но и результат возникновения, формирования и существования нации (Степанов 1990, 325).

Процесс формирования национального языка подвержен влиянию разных факторов — лингвистических и экстралингвистических. Каждый народ, который прошел путь создания полифункционального литературного национального языка, знает в своей истории период, когда происходили наиболее активные изменения в языке (Гухман 1990, 270). Обычно в то же время создается и большой словарь национального языка. Его значение можно сравнить с восхождением на вершину: словарь как признак высокой духовной культуры (Гак 1990, 462), как свидетель истории народа и источник разнообразных знаний (Будагов 1989, 74; Гак 1990, 462).

Так происходило и с чешским народом и его языком. Приблизительно с конца XVIII века и примерно до середины XIX века — в эпоху национального Возрождения (далее — НВ) — деятели чешского НВ, в первую очередь, лингвисты, задались целью «возродить» литературный язык формирующейся чешской нации¹. Политическая и языковая ситуация того времени затрудняла этот процесс. Во-первых, официальным языком был немецкий, причиной чему послужило включение чешских территорий в состав империи Габсбургов в 1620 году. Высшие сословия в качестве языка общения использовали именно его (Макова 1987, 71–72; Мильников 1982, 22; Шимов 2005, 259; История 2008, I, 305–306). Во-вторых, по причине ограниченного распространения чешского языка

¹ См. об этом, например: Широкова, Нецименко 1978а, 11, 19; Широкова 1990, 581; Гланц 2004, 235; Абисогомян 2011, 325.

(в основном, в крестьянской среде²) и расшатанности норм (Широкова, Нецименко 1978а, 15–16; Мыльников 1982, 11; История 2008, I, 326). Таким образом, будители³ практически создавали язык заново в условиях двуязычия⁴, что отразилось и на специфике развития, и на характере литературного языка (Navránek 1974, 200; Гухман 1990, 270; Сорока 2002, 21). Главной движущей силой этого процесса стало противопоставление по типу «мы ↔ они», «свой ↔ чужой», «чешский ↔ немецкий» в сфере чешско-немецких языковых и культурных связей (Šmídová 2001, 517–519; Корженский 2002, 71, 74; Абисогомян 2011, 325–326). Язык стал своего рода средством воздействия на чехов, свидетельства чему находятся в главном лексикографическом труде эпохи НВ — «Чешско-немецком словаре» Йозефа Юнгманна (Jungmann 1835–1839). Это наиболее авторитетный и признанный источник чешской лексики той эпохи (Navránek 1974, 201–202; Kamiš 1974, 67), где автор через различные стилистические пометы, а также примеры словоупотреблений определенным образом воздействует на читателя (Сорока 2002, 24–26; Абисогомян 2011, 326).

Темой нашей работы является исследование языковой и идеологической доктрины чешского НВ и ее материального воплощения в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна с заострением внимания на тех примерах словоупотреблений, которые выбирает автор словаря для слов-концептов.

Основной целью нашего исследования является изучение главных положений программы движения будителей в Чехии и их отражение при толковании и разъяснении слов-концептов, специально отобранных нами для этой работы; при этом акцент делается, главным образом, на анализе примеров в этих словарных статьях. Для достижения данной цели считаем необходимым решить ряд более конкретных задач:

во-первых, сделать краткий экскурс в историю языка, чтобы понять, какова была языковая ситуация в Чехии к моменту начала НВ; при этом считаем необходимым заострить внимание именно на предвозрожденческом периоде, чтобы разобраться,

² Горожане также пользовались чешским языком, хотя и в меньшей степени (Мыльников 1982, 12).

³ «Будители» - это деятели чешского НВ конца XVIII – первой половины XIX века, которые вели борьбу за «возрождение» чешского языка. «Будителями» были в основном ученые и писатели. Термин «будитель» происходит от чеш. *buditel* – букв., «тот, кто пробуждает» (БСЭ 1971, 4, 266), т.е. пробуждает свой родной народ, находящийся под чужеземной властью.

⁴ О феномене двуязычия в Чешских землях см., например: Nekula 2001, 208–217.

в каких условиях и при каких обстоятельствах начинали будители свою деятельность;

во-вторых, требуется проследить, какая идеология господствовала в тот период, какие взгляды на язык в то время преобладали, выделив главные положения доктрины чешского НВ; а также определить роль Й.Юнгманна в развитии программы чешского НВ и её воплощения в реальности.

В качестве источников для исследования теоретической стороны вопроса привлекаются как работы чешских славистов⁵, так и труды зарубежных богемистов и историков⁶. Главным источником при работе с языковым материалом является «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна (Jungmann 1835–1839).

Актуальность работы заключается в том, что вопрос отражения положений программы чешского НВ в лексикографическом труде Юнгманна практически не изучен, также мало внимания до сих пор было уделено освещению чешско-немецких языковых и культурных связей и их восприятия в эпоху НВ.

Данная работа состоит из Введения, двух основных глав и Заключения.

В первой главе рассмотрены главные положения идеологической и языковой программы чешского НВ с выделением таких частных вопросов, как краткий обзор истории языка, деятельность будителей при разработке доктрины НВ и роль Йозефа Юнгманна и созданного им «Чешско-немецкого словаря» в этом процессе.

Вторая глава посвящена определению понятия «слово-концепт», его места в культуре и языке, а также представляет составленный нами список таких слов-концептов из «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна с обоснованием их выбора и анализ собранного материала с точки зрения его «работы» на продвижение идей программы чешского НВ, силы воздействия на читателя.

В Заключении подведены итоги проведенной работы и представлены возможные пути дальнейшего исследования.

⁵ В частности: Havránek 1963, 195–199; Havránek 1974, 195–203; Kamiš 1974, 67–76; Křístek 1974, 115–121; Šmilauer 1974, 43–56; Hladíková 1986, 6–12; Macura 1995; Macura 2001, 637–645; Šmidová 2001, 516–527; Гладкова 2001, 335–351; Корженский 2002, 71–110; Hladká, Martincová 2013, 340–369.

⁶ Например: История 1956; Мыльников 1966, 3–47; Мыльников 1971; Мыльников 1973; Широкова, Нешименко 1978а, 9–85; Широкова, Нешименко 1978б, 128–133; Мыльников 1982; Чешская нация 1989; Мыльников 1997; Аксенова 2002, 416–421; Чуркина 2005, 151–164; Абисогомян 2006, 242–251; История 2008; Бобраков-Тимошкин 2011; Абисогомян 2013, 31–43.

ГЛАВА I. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПРОГРАММА ЧЕШСКОГО НВ: ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДОКТРИНЫ

1.1 Краткий обзор истории чешского языка до начала НВ

1.1.1 От первых зафиксированных надписей на чешском языке до расцвета языка в XVI веке

Первые исторически зафиксированные записи-гlossы на чешском языке, который относится к западной ветви славянской группы языков, были найдены на полях немецких и латинских текстов и датируются началом XIII века (Скорвид 2005, 236), а полноценные письменные литературные памятники появляются уже в конце этого столетия (Hrbáček 1986, 27–28; Широкова и др. 1990, 13; Berger 2009).

Уже в XIV веке появляются художественные произведения на чешском языке высокого культурного значения как религиозного, так и светского характера: «Легенда о св. Екатерине» и «Алекса́ндреида» соответственно (Широкова и др. 1990, 14). Тогда же появляется первый исторический труд на чешском языке — Далимилова хроника (История 1956, I, 122; Макова 1987, 77). В этом столетии формируется единый тип литературного языка, функционирующий в культурной, теологической, административно-правовой и официальной сферах (Широкова 1990, 581; Широкова и др. 1990, 14).

В начале XV века была предложена реформа чешской орфографии⁷, проведение которой приписывается Яну Гусу. Видение чешского правописания изложено им в сочинении «De Orthographia bohémica» (История 1956, I, 186; Широкова и др. 1990, 15). Во второй половине столетия (1468 или 1476 год⁸) появляется перевод «Троянской хроники»⁹ — первой печатной книги на чешском языке.

⁷ В частности, введение диакритических знаков.

⁸ Обычно исследователи склонны датировать этот перевод 1468 годом (см., например, История 1956, 252). Тем не менее, А. С. Мыльников отмечает, что крупный деятель НВ Й. Добровский сомневался в том, что данная книга была напечатана в 1468 году, и в своей «Истории чешского языка и литературы» он указывает 1476 год как год издания первой печатной книги на чешском языке (Мыльников 1971, 26–31). Немецкий исследователь Т. Бергер также согласен с датировкой Добровского (Berger 2009).

⁹ *Guido della Collona (de Columna): Kronika Trojánska*. Plzeň, 1468 (?).

Бурное развитие чешского языка в XVI веке связывают с именем Даниила Адама из Велеславина¹⁰, в чьих произведениях чешский язык достигает своего расцвета. Именно язык образца «золотого века», или, по определению Й. Добровского, «велеславинского» периода был взят за основу «нового» чешского литературного языка (Мыльников 1978, 55; Гладкова 2001, 342; Berger 2013) в эпоху НВ, что во многом произошло под давлением авторитета Й. Добровского. Хорошо известно также, что при работе над «Чешско-немецким словарем» Й. Юнгманн обращался к словарю Велеславина 1598 года¹¹.

Важную роль в развитии чешского языка сыграла «Община чешских братьев» (Jednota bratrská), среди заслуг которой следует отметить введение богослужения на чешском языке, организацию национальных школ и книгопечатание¹². «Кралицкая Библия» — главный труд их организации и той эпохи, «расцвет письменного языка этого времени»¹³ (Berger 2009), «национальная сокровищница» по выражению Й. Юнгманна¹⁴; именно эта книга стала одним из образцов для формирования языка заново в эпоху НВ (Краткая история 1988, 108; Широкова и др. 1990, 15-16). Тогда же появляются первые грамматики¹⁵ и словари (Широкова и др. 1990, 16). Следует упомянуть и вклад в эволюцию языка и культуры Яна Амоса Коменского¹⁶. К концу XVI столетия чешский язык становится самостоятельной, структурированной системой, выполняющей все необходимые функции.

Потеря своих позиций чешским языком входит в активную фазу после 1620 года, когда чехи проиграли битву на Белой горе и вошли в состав империи Габсбургов, перестав существовать как самостоятельное государство. Появляется второй официальный немецкий язык и, хотя юридически чешский и немецкий языки находятся в равных условиях, первый вытесняется из официальной и литературной сферы функционирования, уступая позиции второму, т.е. немецкому языку (История 1956, I, 260–261; История 2008, I, 310, 326; Berger 2009). Выходит индекс запрещенных книг, проводятся акты сожжения

¹⁰ Велеславин также издавал древнечешские книги разных жанров и направлений, защищал оригинальность чешской национальной литературы (История 1956, I, 255).

¹¹ D. A. Veleslavín. *Silva quadrilinguis*. Praha, 1598.

¹² Подробнее об их деятельности см., например, История 1956, I, 251–253.

¹³ Перевод с немецкого языка здесь и далее сделан автором данной бакалаврской работы.

¹⁴ Цит. по: Широкова, Нещименко 1978б, 130.

¹⁵ Например, J. Vlahoslav. *Gramatika česká*. Praha, 1571 (рукопись). Впервые была издана в 1857 году в Праге. Также: B. z Nudožer. *Grammaticae bohemicae libri duo*. Praha, 1603.

¹⁶ Подробнее о его деятельности, например: История 1956, I, 311–312; История 2008, I, 316–317.

произведений чешской литературы, что влекло за собой и уничтожение чешского языка и культуры в целом (История 1956, I, 310; Мыльников 1982, 9; Макова 1987, 92). Й. Добровский назвал этот этап периодом «упадка», или временем «тьмы» — *doba temna* (Гладкова 2001, 342; Шимов 2005, 259). Почти на двести лет главным носителем чешского языка становится крестьянство, а высшие слои общества, онемечиваясь, почти утрачивают национальный язык (Макова 1987, 71–72).

1.1.2 Чешский язык в период «тьмы»

Хотя Й. Добровский и полагал, что эти двести лет действительно были временем «тьмы», современные исследователи не столь пессимистичны, так как все же нельзя утверждать о полном забвении, утрате языка и отсутствии перспектив развития даже в условиях продолжавшейся германизаторской политики (Гладкова 2001, 343; Шимов 2005 259–260).

В период «тьмы» традиция рукописного книгопроизводства пережила второе рождение. Появлялись чешские грамматики и относительно объемный словарь, например, «*Lima linguae Bohemicae*» И. Констанца (1667), «*Čechořečnost seu Grammatica linguae bohemicae*» В. Я. Росы (1672), «*Grammatica linguae Bohemicae*» В. Яндыта (1704) и неизданный «*Thesaurus linguae bohemicae*» В. Я. Росы.

С 1729 года начала выходить первая газета на чешском языке «Чешский почтальон» (Мыльников 1982, 12). В середине столетия со стороны общества неизвестных литераторов возникла инициатива по сбору, изучению и публикации источников по истории Чехии и Моравии (там же, 41). В 1774 году была проведена реформа школы: обучение в начальных (тривиальных) школах могло проводиться и на чешском языке (Мыльников 1973, 7–8; Мыльников 1982, 43; История 2008, I, 341). В 1781 году было отменено крепостное право, что активизировало приток крестьянского населения в города и распространение там чешского языка в бóльшей степени (Краткая история 1988, 144; Корженский 2002, 76; История 2008, I, 338–339). Кроме того необходимо упомянуть и о том, что значительная часть городского населения в этот период, будучи немцами по происхождению, стала относить себя к чешскому этносу (Мыльников 1997, 46). В конце века был создан целый ряд национально-просветительских организаций разных направлений (История 1956, I, 357). Все указы и декреты правительства и

распоряжения земельных властей публиковались на двух языках — чешском и немецком (Чешская нация 1989, 102). Чешский язык существовал в религиозной литературе и, с ограничениями, в административной сфере.

На протяжении всего своего развития чешский язык постоянно боролся с немецким влиянием¹⁷ (поскольку именно в нем видели основную угрозу для чешского языка (Engelhardt 2001, 235)) на всех уровнях языка: фонологическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом; хотя не смог избежать немецкого воздействия полностью¹⁸.

Таким образом, к эпохе НВ чешский язык подошел в следующем состоянии: его функции ограничены, но о полной утрате языка говорить нельзя, однако его состояние далеко от идеального, у него исчезает литературная форма. В чешском языке к концу XVIII века отсутствует кодифицированная норма, в нем представлено много архаизмов, диалектизмов, просторечных элементов, новообразований и, разумеется, германизмов. В связи с переходом образованных слоев общества на немецкий язык в чешском языке образуются лакуны: отсутствуют целые пласты лексики, например, терминология для разных научных сфер. Несмотря на общую положительную динамику в процессе «возвращения» чешского языка к жизни, германизаторская политика продолжалась, и на этом фоне деятели НВ приступили к более решительным действиям.

¹⁷ О примерах немецкого влияния как ареального характера, а также о литературно-языковых контактах, см., например, Скорвид 2005, 237, ср. также Šlosar 2001, 148–155.

¹⁸ См. об этом, например, Скорвид 2005, 237, 270–271; Berger 2009; Мокиенко 2012; Berger 2013.

1.2 Основные положения программы эпохи НВ

П. Й. Шафарик однажды окрестил чехов «филологической нацией» (Berger 2001, 187), что, на самом деле, абсолютно справедливо, поскольку исследования и достижения многих чешских лингвистов как до Шафарика, так и после него обладают мировым значением. Культура чешской нации неразрывно связана с языком, а в эпоху НВ чешский язык и вовсе стал для этого народа «связующим звеном между национальностью и её «аутентичностью»» (Вахтин, Головки 2004, 40). Культура была подчинена филологии, служившей в свою очередь идеологическим положениям, которые пропагандировались в обществе в тот момент (Masuga 1995, 45; ср. также Миллер 1978, 32).

Филология, история и изобразительное искусство — вот главные средства для достижения основной цели идеологов чешского НВ, которая заключалась в формировании нового литературного языка и нации с установкой на лингвоцентричность (Гладкова 2001, 340–341; Гланц 2004, 234–235; Абисогомян 2011, 324). История становится на службу будителей, например, преувеличиваются тенденции онемечивания населения (Шимов 2005, 262), а также идеализируется как прошлое, так и настоящее чехов и славян в принципе (Мыльников 1997, 99). В ход идут даже фальсификации, раскрытые много позже: Краледворская и Зеленогорская рукописи¹⁹ (Краткая история 1988, 162–163; Чешская нация 1989, 23). Мистификации стали «полноправной частью акта создания национальной культуры как целого»²⁰ (Masuga 1995, 109), однако это были не единственные способы в борьбе за становление национального самосознания: прошлое переосмыляется, а историческая память восстанавливается (Мыльников 1997, 59). Вера в славное историческое назначение становится сильна как никогда (Haller 1946, 135).

Будители нуждались в некотором образце, на который они могли бы ориентироваться при воссоздании языка заново; кроме того, необходимо было выработать «единые для данного социума нормы литературного языка» (Гухман 1990, 270–271) в условиях некодифицированности языка и расшатанности его норм (Широкова, Нецименко 1978а, 15–16). Состояние чешского языка было

¹⁹ См., об этом, например, Освободительные движения 1980, 172, Мыльников 1982, 99–101; Masuga 2001, 637–645; Шимов 2005, 261–262.

²⁰ Перевод с чешского языка здесь и далее выполнен автором данной бакалаврской работы.

далеко от идеала, но, как уже отмечалось, говорить о его серьезном упадке и, более того, вымирании нельзя. Его функции были существенно ограничены, что можно считать закономерным при таких обстоятельствах, как «исключение из сфер государственного управления, науки <...> при использовании в этих сферах чужого литературного языка» (Гухман 1990, 270). Ученые с целью систематизации языка продолжали настаивать на пуристическом аспекте развития языка, что нашло свое отражение в переработке словарного запаса, в грамматике (Berger 2013). Другие языки при этом были почти не затронуты (Запрудский 2006, 247, 250).

Для возрождения языка предпринимаются конкретные шаги. Во-первых, пишутся труды по языкознанию и исторические сочинения. Также произносятся т.н. «Речи в защиту языка» (*Obranu jazyka českého*)²¹. Общим местом в них является, например, идея о необходимости защиты чешского языка и восстановления национальной культуры. Резко звучит осуждение шляхты, которая отделилась как от народа, так и от родной речи (Мыльников 1973, 17–18; Освободительные движения 1980, 171–172, 353–354; История 2008, I, 601). Во-вторых, будители добились открытия кафедры чешского языка и литературы при Пражском университете в 1793 году. В день открытия кафедры деятель НВ, первый преподаватель чешского языка в Карловом университете, проф. Фр. М. Пельцль произносит речь в защиту чешского языка (Мыльников 1973, 29; История 2008, I, 342). В-третьих, в 80-е годы XVIII века закрепляется статус национального театра, музыка и изобразительное искусство двигаются вперед, развивается художественная литература, оригинальная и переводная (Чешская нация 1989, 22; Мыльников 1973, 16). Также выходит первый чешский поэтический альманах (Мыльников 1973, 16). В-четвертых, активно пишутся чешские грамматики и другие труды по языку²² (История 1956, I, 358).

²¹ J. A. Hanke. *Empfehlung der böhmischen Sprache und Literatur*. Wien, 1783.

K. H. Thom. *Obrana Jazyka Českého proti zlobivým utrhačům, též mnohým vlastencům v cvičení se v něm liknavým a nedbalým, sepsaná od Karla Hynka Thama*. Praha, 1783.

Первый трактат был написан по-немецки, а второй по-чешски, потому что автор желал ориентировать его на широкую народную аудиторию (Мыльников 1973, 17–18).

²² Например:

J. V. Pohl. *Neuverbesserte böhmische Grammatik*. Wien, 1773;

J. Roenthaler. *Othographia česká aneb naučenj, gak se má dobře česky psát*. Praha, 1780, 1793, 1810.

F. Tomsa. *Böhmische Sprachlehre*. Praha, 1782;

K. V. I. Thám. *Kurzgefasste böhmische Sprachlehre nebst böhmisch, deutsch, französischen Gesprächen*. Praha, Wien, 1785;

F. M. Pelcl. *Poučenj, gak se má dobře česky psát*. Praha, 1793;

На рубеже XVIII–XIX веков количество книг на «мертвом» языке неуклонно растет: объем выпусков газет и журналов, в том числе и научных, (например, издание «Журнала чешского музея») по сравнению с предшествующей эпохой существенно увеличился. В 1831 при участии Й. Юнгманна — ключевой фигуры второго периода НВ²³ — создается национальный издательский центр «Матица ческа» (*Matice česká*), где публикуется литература разных жанров на национальном языке (История 1956, I, 358–359; Освободительные движения 1980, 173–174, 354; Краткая история 1988, 164). Возрождается традиция перевода, причем и он используется будителями в собственных интересах. Становится важным не только содержательная сторона, которая часто и вовсе отходит на второй план, но и языковая форма текста. Переводчик порой напрямую «вмешивается» в текст, расширяя возможности его прочтения (Злыднев, Мыльников 1978, 21; Масуга 1995, 61–62). Целью перевода было не столько донесение информации оригинала, сколько «расширение, а нередко и создание новых, прежде всего лексических возможностей чешского языка», а также «демонстрация реальных, а также потенциальных возможностей чешского языка на фоне его «превосходства» над немецким языком» (Абисогомян 2013, 39).

Важно упомянуть и о ярчайшем представителе первого периода чешского НВ Йозефе Добровском²⁴, вклад которого в возрождение национального языка, а также славистику трудно переоценить (Křístek 1974, 116–117). Он составил первую часть «Немецко-чешского словаря»²⁵, написал первую научную грамматику чешского языка²⁶ (Широкова 1990, 581; История 2008, I, 584) и «Историю чешского языка и литературы»²⁷ (История 1956, I, 358; История 2008, I, 584). Добровский по своим взглядам был пуристом: он выступал против создания

J. Dobrowský. *Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache*. Prag, 1809;

J. Šmitt. *Gramatyka česká nebo: učenj gak se česká slova uchylowati, spogowat a psáti magj*. Praha, 1816;

V. Hanka. *Prawopis český podle základu Grammatyky Dobrowského*. Praha, 1817;

J. Černý. *Tabule poučugicý a wedauci k náležitému poznánj dewatera částek řeči*. Jičín, 1825;

K. Kysel. *Neynowěgši mluwnice česká*. Praha, 1830

и др.

²³ К другим деятелям второго поколения чешских будителей относятся также В. Ганка, П. Й. Шафарик, Ф. Палацкий, Ф. Л. Челаковский и другие.

²⁴ К другим известным своим вкладом в развитие языка, истории и культуры чешского народа относятся также Г. Добнер, Ф. М. Пельцль, А. Фойгт, Я. Ганке, К. И. Там, Ф. Прохазка и другие (т.н. первое поколение будителей).

²⁵ J. Dobrowský. *Deutsch-böhmisches Wörterbuch*. I–II. Prag, 1802–1821.

²⁶ J. Dobrowský. *Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache*. Prag, 1809.

²⁷ J. Dobrowský. *Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur*. Prag, 1792.

новых слов и настаивал на употреблении слов, «проверенных» временем (часто устаревших), или заимствований из родственных языков (Havránek 1974, 195). Одновременно Добровский был настроен весьма скептически в отношении перспектив развития языка²⁸, он сомневался «в его реальном потенциале, жизнеспособности и возможностях развития» (Шимов 2005, 260; ср. также История 1956, I, 345; История 2008, I, 584). Однако, несмотря на такие высказывания, именно его авторству принадлежит программа по возрождению чешского языка, которой руководствовались другие деятели НВ, а Й. Юнгманн, взяв её за основу, дополнил её собственными идеями (Чуркина 2005, 154).

Во-первых, Добровский настаивал на уважении к языковой традиции, призывал вернуться к истокам (Чешская нация 1989, 103; Чуркина 2005, 154). Именно его авторитет и мнение как ученого сыграли главную роль в том, какой «вариант» чешского языка был взят за основу в эпоху НВ: выбор был сделан в пользу «золотого» периода чешского языка, эпохи Велеславина (Гладкова 2001, 342; Корженский 2002, 97). Поэтому «новый» чешский язык и приобрел «книжный» и архаичный характер (Havránek 1974, 197; Kamiš 1974, 68–69; Křístek 1974, 118; Запрудский 2006, 245).

Другим важным пунктом «программы» Добровского являлось стремление к стабильности грамматической системы языка. Он был также убежден, что именно народный язык должен быть признан источником формирования нового языка и стать им в полной мере (см., например: Чуркина 2005, 154).

Кроме того Добровский был уверен в пользе использования других славянских языков²⁹ для развития чешского языка (Чуркина 2005, 154).

В период НВ у каждого народа есть собственная национальная идеология, которая «имеет свои особенности, обусловленные главным образом его политическим положением» (Нидерхаузер 1978, 36). Довольно типично при постановке задачи формирования нации использовать противопоставление «мы ↔ они» для идентификации своего этноса и установлении отличий от других народов (Мыльников 1997, 46–48; Šmídová 2001, 517–519). Часто это происходит

²⁸ Впрочем, стоит отметить, что не только Добровский был настроен подобным образом: многие деятели того времени выражали сомнение в реальности воплощения идей по восстановлению чешского языка и его активного использования в широком смысле (Macura 1995, 103)

²⁹ Сам он владел, помимо чешского, из числа славянских языков как минимум русским.

именно за счет языка, который помимо прочих функций выступает как «средство контрастивного самосознания» (Вахтин, Головки 2004, 40).

Так, одну из центральных установок эпохи НВ можно обозначить как противодействие всему немецкому (Berger 2001, 189–192). Противопоставление по типу «чешский ↔ немецкий», «мы ↔ они», «свой ↔ чужой» стало мощной движущей силой процесса по восстановлению языка и пробуждению национального самосознания (Абисогомян 2013, 38). Немцы и германские народы в целом воспринимались как нечто отдельное, в то время как чехи, будучи частью большого славянского народа вопреки политической и экономической обособленности от остальных, считались единым целым (Macura 1995, 34). О родстве славянских языков с германскими при этом вспоминалось редко (Macura 1995, 48).

В этом контексте также необходимо упомянуть и о так называемом «моравском» вопросе в период НВ. Усиление местного самосознания жителей Моравии отмечалось уже в XV веке. Данный процесс проявлялся в разных формах: например, закрепился территориальный этноним «мораване», а чешский язык в этом регионе обозначался именно как «моравский» (Чешская нация 1989, 12; ср. также Мыльников 1997, 32, 38–41). Даже в первой половине XIX века возможность отделения мораван от чехов и создания отдельной нации с полноценным языком рассматривалась как весьма вероятная³⁰ (Вольман 1978, 41).

На фоне подобной антинемецкой и антигерманской пропаганды большое внимание будители уделяли идее «славянской взаимности», автором которой является словак Ян Коллар (Чешская нация 1989, 22). Эта идея предполагала «возможность объединения славянских народов на основе этнического родства, близости языков, сходства народной культуры, нравов, обычаев, быта <...>» (Аксенова 2002, 416; ср. также Чуркина 2005, 158–159). Корни этой идеи³¹ прослеживаются, например, в речи Й. Добровского на коронации Леопольда II, где славист высказывал лояльность к царствующей династии, но настаивал на правах чешского языка (Горизонтов 2005, 122). Также он подчеркивал, что славяне в империи составляют бóльшую часть населения, за которым стоит Россия как главный представитель славянства и единственное славянское государство, обладающее самостоятельностью (Горизонтов 2005, 122; ср. также

³⁰ Подробнее о проблеме см. Мыльников 1974, 41–54.

³¹ О других чехах, которые высказывались в похожем духе, см., например: Мыльников 1966, 15.

Чуркина 2005, 159–161; История 2008, I, 586). В пользу России говорила не только её политическая сила в ту эпоху, но и довольно обширные культурные связи между чехами и русскими³². Отношение к России в целом было полно субъективности и романтических настроений, так как будители имели мало истинной информации о русском государстве, базируя свои знания, и те самые общие, на книгах. (История 2008, I, 585). Этот романтизм по отношению к русским ослаб после польских событий 1830 года (Лебедева 1990, 102; История 2008, I, 606).

Славянская идея, распространенная не только в Чехии, стала хорошей почвой для оформления национальной идеи. Она «отвечала определенным интересам отдельных национальных движений на определенном этапе их исторического развития» (Фрейдзон 1978, 194–195, ср. также Злыднев, Мыльников 1978, 10), была направлена не только на развитие культур родственных народов, но и связана с их политической программой³³, хотя именно национальная идея в конечном итоге оказалась сильнее (Лебедева 1990, 106; Аксенова 2002, 417–418).

В интересах распространения чешского языка не только среди крестьян и горожан, но и в аристократической среде, его практическое использование искусственно культивировалось; язык стал средством национального самоопределения, а само употребление чешского в коммуникации стало общественно престижным (Корженский 2002, 76) и рассматривалось как «культуротворный» процесс (Macura 1995, 53). Люди сознательно отказывались от использования немецкого языка в общении и постепенно переходили на чешский (Абисогомян 2013, 34). Это был большой шаг вперед, учитывая, что представители высших слоев общества продолжительный период говорили по-немецки, а многие люди и вовсе стыдились факта, что их родным языком был чешский (Šmejtková a jin. 1996, 217). Таким образом, со временем обширная часть населения становится двуязычной, что в целом усиливало «идеологическую конфронтацию» (Абисогомян 2013, 34), что, несомненно, было в интересах будителей.

³² О связях чехов с русской культурой, несмотря на сильную идеологическую составляющую источника и соответственно малое внимание контактам с другими славянами, например, с поляками, см., например, Удальцов 1951, 44–49, ср. История 2008, I, 606–608.

³³ См. об этом, например, Аксенова 2002, 417–418; Чуркина 2005, 158–161.

Таким образом, можно заключить, что ведущей идеей, которая включала в себя все остальные (противопоставление по признаку *свой* ↔ *чужой*, идея славянской взаимности, восстановление прежнего состояния языка и пр.), было возвращение к «прерванной» традиции (Бобраков-Тимошкин 2011).

1.3 Йозеф Юнгманн и его роль в создании программы чешского НВ

Йозеф Юнгманн — крупнейший представитель второго поколения чешских будителей. В своих взглядах он был подвержен влиянию Й. Добровского (Havránek 1974, 195; Křístek 1974, 119; Широкова, Нецименко 1978а, 53), хотя и не во всем был с ним согласен. В частности, он не сомневался в потенциале чешского языка³⁴ и в дальнейшем росте чешской культуры (Kamíš 1974, 76; Широкова, Нецименко 1978а, 58–59). Й. Юнгманн является автором пятитомного «Чешско-немецкого словаря», ставшего не только результатом его многолетних научных изысканий, но и главным лексикографическим трудом эпохи НВ, первым тезаурусом чешского языка (Havránek 1974, 201–202; Křístek 1974, 68; Šmilauer 1974, 47–48). «Словарь Юнгманна — самый знаменитый словарь из всех, что возникли в период Национального Возрождения³⁵, — имеет ключевое значение для познания словарного запаса нового литературного чешского языка» (Kamíš 1974, 67; ср. также Широкова и др. 1990, 18; Berger 2001, 187).

Основная цель всех устремлений Юнгманна — формирование литературного языка, который отвечал бы всем запросам культуры (Havránek 1963, 197; Křístek 1974, 120; Широкова и др. 1990, 18). Чешский язык на тот момент, однако, таким требованиям не соответствовал (Křístek 1974, 115). Необходимо было собрать, дополнить и переработать весь лексический запас чешского языка (Широкова и др. 1990, 17–18; Hladká, Martincová 2013, 349). Юнгманн сыграл большую роль в этом процессе, проделав огромную работу, которая длилась более 30 лет (Havránek 1963, 126). Взяв за основу программу Добровского, Юнгманн добавил идею об использовании внутриязыковых ресурсов и их активизации (Чешская нация 1989, 103). Опираясь обширным материалом³⁶, он «оживлял» устаревшие слова и занимался словотворчеством, вводил в язык заимствования, прежде всего, из славянских языков, обогатив лексику национального языка (Мыльников 1973, 126; Стенковская 1999, 161–

³⁴ Хотя в статье «О классичности литературы и её значении» от 1827 года (J. Jungmann. *O klasičnosti literatury a důležitosti její*. Praha, 1827) Юнгманн еще высказывал опасения по поводу гибели родного языка (Мыльников 1973, 120).

³⁵ Перечень других словарей этой эпохи с комментариями см., например: Абисогомян 2006, 242–251; Hladká, Martincová 2013, 347 – 348.; см. также: Abisogomjan 2012, 247–249.

³⁶ Об источниках в период работы над словарем пишут, например: Havránek 1974, 195; Kamíš 1974, 68; Šmilauer 1974, 118; Hladká, Martincová 2013, 349.

162)³⁷. При сборе материала он ориентировался, в основном, на труды Велеславина, придерживаясь мнения о том, что язык его эпохи являлся образцовым (Navránek 1974, 197; Kamiš 1974, 68–69; Křístek 1974, 118). При этом в ходе работы над словарем взгляды на отбор лексического материала эволюционировали³⁸. Важно было не только отобрать лексику для словаря, но и дать толкование: привести *нужный* пример словоупотребления (Стемковская 1999, 162). Именно через примеры автор создавал целые концепты, определенное содержание и толкование которых было необходимо для достижения главной цели программы — возрождения чешского языка и нации.

Й. Юнгманн, как и Й. Добровский, был в своих взглядах пуристом и отрицательно относился к немецкому влиянию на чешский язык (Чешская нация 1989, 103), но со временем стал менее категоричным в этих вопросах (Широкова, Нецименко 1978а, 64–65). Б. Гавранек отмечает, что «дегерманизация культурной жизни и чешского языка и постоянное внимание к народному языку являются важными составляющими в лингвистических трудах Юнгманна и его подходе к формированию чешского литературного языка» (Navránek 1963, 197–198). Юнгманн призывал заменять германизмы путем введения в оборот слов и выражений из народной речи (Чуркина 2005, 155).

Вклад Й. Юнгманна в задачу возрождения чешского языка не ограничивается составлением столь объемного словаря, но и выражается, например, в культивировании использования чешского языка: «Разговаривайте по-чешски, — говорил Й. Юнгманн, — и сейчас же явится общество, в котором станут говорить на чешском языке» (цит. по: Мыльников 1997, 102).

Итак, Йозеф Юнгманн, будучи ключевой фигурой второго поколения чешских будителей и одним из главных деятелей эпохи НВ в целом, создает свой «Чешско-немецкий словарь» с ориентацией на идеи пробуждения и национального самосознания и восстановления чешского языка, а также владения им широкими слоями населения вне зависимости от социального положения.

³⁷ Ср. также: Navránek 1963, 198; Navránek 1974, 195 – 196; Kamiš 1974, 69; Křístek 1974, 118.

³⁸ См. Широкова, Нецименко 1978а, 64–65.

ГЛАВА II. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В «ЧЕШСКО-НЕМЕЦКОМ СЛОВАРЕ»

Й. ЮНГМАННА

2.1 Концепт: его место в языке и культуре

На сегодняшний день термин “концепт” является одним из самых употребительных понятий в современной лингвистике (Прохоров 2008, 6–9). Определение этого термина превратилось в своего рода научную проблему: работ по вопросу много, но нет единого мнения, что именно считать концептом, к какой науке он относится и чем выражается (там же, 19–29).

В данной работе мы будем рассматривать понятие “концепт” комплексно. Во-первых, концепт как лингвокогнитивное явление, которое представляет собой «содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы <...>, всей картины мира» (Кубрякова и др. 1996, 90). Этот концепт может быть сформирован, например, в процессе языкового общения или самостоятельно (Попова, Стернин 1999, 4), причем в нашем случае источником в обоих случаях мог как раз служить «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна.

Во-вторых, мы будем включать в определение концепта его лингвокультурную составляющую, так как концепт, вне сомнений, «принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» (Слышкин 2000, 9). Кроме того, концепт в нашем понимании является и сугубо культурным понятием, то есть «сгустком культуры в сознании человека» (Степанов 1997, 40). Его содержание «складывается из содержания множества слов, контекстов и текстов, в которых откладывается общее понимание некоторого факта сознания...», а рождается он «на базе слова в полном объеме его содержания, включая коннотацию и конкретно-чувственные ассоциации» (Матвеева 2003, 116). Одновременно известно, что слова и словарный запас как комплекс, несомненно, тесно связаны с развитием общества и «обозначением» реальности (Hladíková 1986, 6).

2.2 Отражение концепта в словаре и его идеологическая составляющая

Концепт — это мощное средство для трансляции культуры и «нужного» мировоззрения посредством языка, который сам по себе транслирует «как временные, сиюминутные ценности и идеалы, так и базовые духовные ценности народа» (Стемковская 2000, 85). Словарь же как источник лексического запаса языка (а концепты в первую очередь выражены словесно) зачастую отражает важные для данной эпохи события и настроения — исторические, социальные, культурные; он способен дать характеристику самосознания народа (Корычанкова 2011, 54, ср. также Язык и сознание 2002, 24). Появление новых слов может послужить толчком и к возникновению новых концептов (Язык и сознание 2002, 24).

Семантические компоненты концептов как раз и обусловлены, например, «структурой мышления, идеологией, мировоззренческой позицией, картиной мира индивида или целой социальной группы» в определенный период (Борисова 1997, 27). Определяется круг понятий, которые важны для данной программы, и во многом через прагматический компонент в словарной статье устанавливается нужная картина мира (Борисова 1997, 27; Складаревская 1997, 6–9). В основном это достигается за счет подбора цитат и примеров использования к комплексу слов, которые образуют собой большой концепт; при этом образцы, как правило, эмоционально-экспрессивно окрашены (Корованенко 1997, 21).

Важно отметить, что при этом большую роль играют личные взгляды составителя словаря (в нашем случае — Й. Юнгманна): «отражение в словаре идеологической коннотации зависит от понимания лексикографом своего права выражать определенную концептуальную позицию и от содержания этой позиции, от дидактических целей, т.е., в конечном итоге, от соотношения объективно-формального и субъективно-содержательного в структуре словарной статьи» (Борисова 1997, 29).

2.3 Концепты из словаря Й. Юнгманна

«Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна — необычный словарь во всех отношениях. Во-первых, это источник, дающий наиболее полное представление о лексическом запасе и возможностях чешского языка новой эпохи (Kamíř 1974, 67); во-вторых, это большой толковый словарь и первый тезаурус чешского языка с момента его зарождения в принципе (Navránek 1974, 201–202; Křístek 1974, 68). Наконец, он двуязычный: в качестве второго языка выступает немецкий, что в тех политических и культурных обстоятельствах было закономерно.

Таким образом, этот словарь мог быть использован, с одной стороны, как «практическое пособие для перевода», в качестве чего частично служит двуязычный словарь (Берков 1977, 54). Труд «не только охватывал словарный запас языка, но, определяя закономерности словообразования и регулируя выбор слов, положил конец произвольному словотворчеству» (Широкова, Нещименко 1978а, 132). С другой стороны, он явил собой отражение языковой картины мира чехов или, скорее, тот её образ, который продвигал Й. Юнгманн, один из главных идеологов эпохи НВ в Чехии. Ученому необходимо было провести противопоставление «чешский ↔ немецкий», чем он активно занимался, подбирая определенным образом примеры к наиболее важным с точки зрения возрождающейся культуры концептам, понимая, что «именно в словарном составе культурное различие проявляется наиболее рельефно» (Беликов, Крысин 2001, 192–193).

Нами был отобран определенный пласт лексики из словаря, который, с нашей точки зрения, играл важную роль в программе чешского НВ. Именно эти лексемы, трактовки значений которых были обусловлены идеологическими установками, составляют ядро концептов той эпохи.

В первую «идеологическую» группу попали концепты, которые важны для чеха как представителя народа, отождествляющего себя по языковому признаку, например, *язык* и *нация*. Исходя из основных положений программы НВ, мы включили в эту же группу концепты *родина*, *история*, *государство*. Отдельному анализу будут подвергнуты слова *будитель* и *возрождение* и их производные.

В связи с зависимым положением чехов считаем нужным рассмотреть трактовки концептов *независимость*, *свобода* и *война*. Затем мы обратим

внимание на некоторые концепты, так или иначе связанные с государственным устройством: *империя, король, монарх, демократия, республика*.

Во вторую «национальную» группу концептов вошли лексемы, находящиеся в семантическом поле «*свой ↔ чужой*», прежде всего по национальному признаку. Главное наше внимание будет посвящено концептам *Чехия (чех) ↔ Германия (немец/германец)*. Также будет рассмотрен образ *Австрии* и *австрийца* как представителя народа, которому подчинены чехи, и одновременно являющегося родственным немецкому этносу. Считаем необходимым также включить в анализ концепт *Венгрия (венгр)*, хотя влияние венгров на чехов и их связь с ними менее очевидна, по сравнению, например, с воздействием венгров на родственных чехам словаков. Тем не менее, геополитическое соседство не позволяет оставить образ венгров в «Чешско-немецком словаре» за рамками нашего исследования. Особое положение Моравии и её жителей в тот период времени побуждает нас обратить внимание и на лексемы, образующие концепт *Моравия (мораванин)*.

В связи с развитием идеи славянской взаимности полагаем важным обзор «родственных» концептов: *Россия (русский), Польша (поляк), Словакия (словак)*. С этой точки зрения общеславянский этноним *славянин* также не может быть обойден стороной.

Посредством анализа словарных статей мы хотим проверить, какие концепты из перечисленных Й. Юнгманн использует наиболее активно для влияния на читателя. Большое внимание будет уделено стилистическим оценкам слова, дериватам и контекстуальным примерам.

2.4 Анализ «национальных» и «идеологических» концептов на материале «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна

Анализ наиболее важных концептов эпохи чешского НВ строится на лексическом материале из «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна, главным образом на примерах словоупотреблений, которые автор вынес в содержание словарных статей. Лексема/лексемы, составляющие ядро концепта, представлены в начале списком однокоренных слов, разделенных по частям речи: имена существительные, имена прилагательные, наречия и глаголы. В конце делается вывод на основании проанализированных данных.

Необходимо отметить, что из рассмотрения нами исключена зоологическая и ботаническая терминология; имена собственные представлены только в списке «национальных» концептов; остальные ограничения оговариваются в каждом случае отдельно. Старая орфография, используемая в момент создания словаря, в работе сохранена. Ссылки на источник обычно приводятся в начале, а по ходу анализа (за некоторым исключением) опускаются.

2.4.1 «Идеологические» концепты

2.4.1.1 Ключевые концепты чешского НВ: *язык, нация, государство, родина, история*

Эпоха чешского НВ по своей природе была лингвоцентричной: именно *язык* был базой и основанием всех устремлений, которому сопутствовали такие фундаментальные концепты как *нация, государство, родина*. В контексте возрождения национального самосознания важную роль сыграл концепт *история*. Именно эти пять концептов, на наш взгляд, следует считать ключевыми для программы чешского НВ.

✓ **Gazyk (язык)** (Jungmann 1835, I, 573–575)

В парадигматический ряд и анализ входят лексемы, соотносящиеся с языком в значении ‘средство общения’, ‘национальный язык’.

- Существительные: *gazyk, gazyčnice, gazyčnj, gazyčnost, gazykozpyt, gazykozpytec, gazykotepec, gazykotepánj, gazykotepectwj, gazykula*
- Прилагательные: *gazyčný, gazykowý, gazykozpytný*

– Глаголы: *gazyčiti, wugazyčiti*

Подтверждение большого значения, которое придавали будители языку как идентификатору народа, как способу определения *своего* и *чужого*, находится уже в толковании понятия. Так, согласно трактовке Й. Юнгманна, язык – это «*речь, отделяющая народ от народа (нацию от нации) <...>*».

С распространением идей программы НВ в обществе все более важным становился сам факт владения языком, что, как уже было сказано, постепенно превращалось в дело престижа. На этом фоне примеры типа *Učitel gazyka. Znatel gazyka (gazykú)* неслучайны. Различные «операции», проводимые с языком (перевод, понимание, владение) представлены не только абстрактными словосочетаниями (глагол + сущ.), но и конкретными примерами. В первую очередь пропагандируется мысль о необходимости перевода и объяснений текстов на чешском языке: *Při kteréžto (knjžky) w gazyk náš český wyložej (t. přeložej) práci gsem wedl*; а далее идея не только о переводе, но и замещении немецкого языка чешским, что значит желание его доминирования в чешском обществе : *Abych gi z německého gazyku w český přeložil, a potom i wytlačil*.

Наличие отдельных словарных статей для таких слов, как *gazykozpyt, gazykozpytec, gazykozpytný, gazykoslowný*³⁹ так или иначе соотносимых с научным исследованием языка, косвенно говорит о том смысле, который придавался подобным изысканиям в то время: стоит вспомнить только о количестве грамматик, вышедших в свет в эпоху чешского НВ и об исследованиях других отдельных аспектов языка.

В пользу важности языка говорит и такой пример, как *Kde geden gazyk, tu geho sláwa*. Й. Юнгманн напоминает об идее славянской взаимности и глубинных связях славянских народов и языков, которые когда-то были единым наречием: *Wšecky ty gazyky Ruský, Polský, Český, Charwatský, Bosněnský, Srbský, Wolharský, byly prwé geden gazyk, geko i geden národ Slowanský*. О таких связях говорит и другой случай словоупотребления: *Kterýžby neuměl mluwiti a rozuměti řeči českého gazyka, gešto slowe řeč slowanská*.

³⁹ Вероятно, эти лексемы являются кальками, тем не менее, они образованы по чешским моделям словообразования. Автор не вводит интернационального термина «лингвист» для обозначения исследователя языка. Впрочем, судя по всему, форма *jazykozpyt* не сохранилась и была заменена лексемой *jazykověda* и производными.

Мысль о языке как об определяющем факторе существования и самосознания народа отражена и в устаревшем значении лексемы *jazyk*: раньше она обозначала одновременно и ‘народ/нация’. Практически все примеры словоупотреблений в этом случае так или иначе соотносятся с чехами: *Řeč gazyka Českého. Wěc gazyku Českému užitečná. Česky, neb tomu gazyku rozumitedlnau řečj mluwiti. Řečj českého gazyka rozuměti.* и т.д. Особенно интересно в этом контексте выглядит фраза, — *Děkugi, že gste wěрни gazyku swému,* — в очередной раз напоминающая об идее пробуждения национального самосознания чехов и необходимости быть патриотом. Хорошим чехом является тот, кто *swůg gazyk plodj*, а неверным — кто *o swém gazyku nerodj*. Чехи когда-то были самостоятельными и ни от кого не зависели, о чем не преминул напомнить Юнгманн: *Úřednjci w městech rozličných země České ustanowenj aby nebyli giného gazyka lidé genom opatrnj wiehlasnj Čechowé. Sami mezi sebau gakožto geden gazyk Český, tjž stawowé.* Стоит отметить, что чехи тут характеризуются как народ «бережливый, знаменитый».

Итак, концепт *язык* представлен подробно и многопланово: во-первых, язык — это способ самоопределения и отделения от других народов (для чехов это, в первую очередь, немцы); во-вторых, пропагандируется идея о необходимости и важности владения чешским языком, а также о надежде на усиление его позиций; не обходится и без продвижения теории славянской взаимности и упоминания о связях чехов с другими славянами. Наконец, устаревшее значение слова *язык* ‘народ’ также подкрепляло основную идею программы НВ.

✓ **Národ (нация/народ)** (Jungmann 1836, II, 611–612)

- Существительные: *národ, národy, národowé, národek, narodinec, národnost, národowost, národopis, národowec, národowláda, narodowost*
- Прилагательные: *národnj, narodowládný*
- Глаголы: *naroditi, narázeti, naroditi se, narázeti se, naroditi*

Народ и его язык неразрывно связаны, что всячески подчеркивалось будителями в эпоху НВ. О тесных взаимоотношениях говорят и случаи словоупотребления, ключевые лексемы которых составляют концепт *нация* и *народ*. Например: *Gazyky wšech národů. Tjmtó gazykem se nemluwj nikde w národu. Gazyk, w němž se kdo narodil. Národnj gazyk. Národnj obrana.* Два последних случая особенно

примечательны в контексте идей НВ. Особенно значимо словосочетание *Národní gazyk*, а *Národní obrana*, представленное в данном случае в прямом значении ‘охрана’, отсылает читателя к знаменитым «Защитам» Тама и Ганки. Осуждающие интонации из-за пренебрежительного отношения к языку прослеживаются и в примере *Gazyk, genž národowládným osudem z obytu učeneckého wyobcowán byl* (букв.: ‘отлучен, исключен’).

Об исключительной важности нации как единицы говорят и такие фразы из словарных статей, как *Národnost (ať tak djm) swau. Swatyně národnosti*.

Подводя итог, заметим, что, несмотря на небольшой список лексем, составляющих концепт *нация/народ*, он представлен созвучно главной идее чешского НВ: язык как идентификатор нации, нация как защитник языка.

✓ **Stát/země (государство/страна)** (Jungmann 1838, IV, 290, 292; Jungmann 1839, V, 648–654)

В связи с большим количеством лексем с корнем *zem-* в список не входят геологические и геометрические термины, а также понятия, явно связанные с земледелием и сельским хозяйством. В парадигму допускаются лексемы, имеющие сему ‘свой’, например, ‘земляк, соотечественник’.

- Существительные: *stát, státnjk, státopis, státověda, státovědec; zeman, zeměnjn, zemanjn, země, zemec, zemek, zemějnka, zemějnstw, zeněrodec, zeněrodei, zemorodec, zemice, zemjn, zemopán, zemstw, zemstwo*
- Прилагательные: *státný, státský; zemějnový, zemnostenský, zemský*

Наибольшее внимание в концепте *государство* привлекает значение ‘родина, край’. На этом уровне прослеживается явное противостояние по типу «свой ↔ чужой». Такой вывод можно сделать на основании следующих случаев словоупотреблений с лексемой ‘чужой’: *Cizj země a kragina*. (букв.: ‘чужая земля и своя’) *Z cizj země. Odgezd do cizjch zemi. Do cizj země zaslati*.

‘Земля’, т. е. страна, в примерах, прежде всего, чешская — *České země*. За этим следуют все остальные (*Země Polská, Uherská, Wlaská, Rakouská, Baworská* и др.), отдельно упоминается славянская: *Země slowanská*.

Диминутив *zemice* в сочетании с прилагательным *dobrý (dobrá)*, на самом деле означает не просто ‘хороший край’, а ‘край в Силезии’, который в определенные периоды истории принадлежал Чехии.

Прилагательное *zemský* проиллюстрировано многочисленными вариантами. Так, *zemský* может быть *řád, pán, mocnář, wladár*; *zemská* — *mínce, wec, obec*; *zemštj* — *obrancowé*; *zemské* — *wogsko, důchody, bezně, práwo* и др. Словом, практически все эти случаи, так или иначе, соотносятся с государственным устройством, атрибутами, официальными институтами.

Таким образом, противостояние «свой ↔ чужой» активно развивалось не только на уровне «чешский язык ↔ немецкий язык», но и в более широких областях жизни. Важно отметить, что в перечне государств немецкое отсутствует, ведь ‘государство’ для чехов должно быть именно чешским, хотя при построении всех «национальных» концептов акцент на наличие государства или хотя бы территории этого народа делается⁴⁰.

✓ **Wlast (родина)** (Jungmann 1838, V, 125–127)

- Существительные: *wlast, wlastka, wlastice, wlastce, wlastička, wlastenec, wlastěnc, wlastenectwj, wlastenina, wlastenka, wlastenkyně, wlastenstwj, wlastensto, wlastimilownjk, wlastina, wlastiwrah*
- Прилагательные: *wlastenecký, wlastenský, wlastimilowný*
- Наречия: *wlastenecky, wlastensky*

В чешском языке и других славянских языках лексемой *wlast* обозначают, как правило, разные понятия — ‘родина’ и ‘власть’ соответственно. По крайней мере, в чешском языке для передачи значения ‘власть’ есть другие, чаще используемые слова, так что *wlast*, в первую очередь, — это ‘родина’. Именно с этой информации начинается заглавная статья со словом-ядром концепта *wlast*. Вслед за разъяснением значения, закрепленного за этим словом, автор приводит несколько характерных примеров. Так, целый ряд словоупотреблений несет в себе смысл лишения родины и изгнания из неё: *Wlasti zbawiti. Z wlasti wypowěděti. Wyhnati z wlasti. Zbaweným býti wlasti. Zbawenj wlasti a přátel. Nesmj býti w swé wlasti*. За два столетия до написания словаря в истории Чехии наблюдалась небывалая волна эмиграции: многие представители ученого света, интеллигенции и творческих людей вынуждены были покинуть страну после 1620 года. Они буквально «меняли» родину: *Wlasti se zpronewěřil*. Мотив вынужденного изгнания

⁴⁰ См. часть 2.4.2 данной главы.

выражен весьма ярко, поскольку — *Do vlasti se nawrátiti. Do swého wlastenestwa se nawrátiti* — в той ситуации не представлялось возможным.

Выглядит логичной и цепочка примеров, где общим местом является идея борьбы за родину: *Pro wlast bogowati. K obraně wlasti se hrunuli občané. Wlasti swé a země statečně zastáwati, brániti, hágiti. Pro wlast hrdla složili* (в последнем примере прямо говорится о гибели во имя родины).

Однако родина — это не только предмет борьбы, но и объект сострадания. Так, фраза — *Wlast wálkami w pustotu uwedena gest*, — отсылая к многочисленным войнам или с участием непосредственно чехов, или на их территории, создает устойчивый образ «бедной» родины, а значит и «бедных», обиженных чехов. Косвенно звучат призывы любить родину, например: *Láska k wlasti. Láska wlastenecká*. Юнгманн также указывает на то, что патриотизм — чувство трезвое и осознанное, с безумством ничего общего не имеющее: *Wlastenectwj nenj snem mozku šjleného*. Поскольку иногда за родину надо постоять и с оружием в руках, пример — *Wogsko wlastenecké* — закономерен.

Лингвоцентричность чешского НВ находит подтверждение в ряде случаев употребления, связанных с языком и речью, например: *Gazyk wlastenecký, řeč wlastenecká*. Для обозначения родного языка была не только «традиционная» *matěřština*, но и лексема с корнем *wlast-*: *wlastenina*.

Таким образом, при построении концепта *родина* видны сознательные и последовательные шаги со стороны Й. Юнгманна к пробуждению патриотических чувств чехов.

- ✓ **Hystorye/děginy (история)** (Jungmann 1835, I, 346–347; 789–790)
 - Существительные: *hystorye, historie, historia, hystoryctwj, historictwj, hystoryk; děg, děge, děgowé, děgěpis, děginopis, děgepisec, děgepistwo, děgeprawa, děgina, děginka, děginy, děginoprawa, děginoprawec, děginstwo, děgopis*
 - Прилагательные: *hystorický, historický; děgepisný, děgeprawný, děginný, děginowý, děgowý*
 - Наречия: *děgepisně, děgeprawně*

Как уже упоминалось выше, чехи во многом занимались не только «воспоминаниями» о славном прошлом (например, *staré děge wzpomjnáš*), но и его «сотворением», что косвенно отражено в примерах к концепту *история*. С этой

точки зрения примечателен один из примеров к лексеме *děginstwo* ('содержание всех событий и истории, или вообще вся история'): *Wěk we wšeobecném nastal děginstwu*. Провозглашается мысль о том, что настало время творить историю. На этом фоне примеры типа — *Spisowati historie, psáti historij* — также не выглядят случайными. Необходимо изучать историю: *Učegjt' (sic) nás děge*; знать и помнить её: *Wjmt', že tuto negednoho Čecha prwnj děginka wyobrazena*; а также «собирать» её: *Wystawenj děgin*.

Свидетельство о важности языка для чехов зафиксировано и в следующем примере: *Děgowé slowanského gazyka* ('история славянского языка').

Интересно отметить, что идеологически ориентированными случаями словоупотребления проиллюстрированы в большей степени лексемы с корнем *děg-*, а не с интернациональным *histor-*. Предпочтение отдается словам, славянским по происхождению: в слове *děginu* и однокоренных прослеживается сема 'дело', что также поддерживало «действенный» характер основных идей чешского НВ.

При построении концепта *история* Юнгманн целенаправленно подбирает иллюстративные примеры и поэтапно создает «нужное» отношение к истории у чешского народа: время творить историю самим, а прошлое надо изучать, знать, помнить, а также «собирать».

2.4.1.2 Концепты «эпохи»: будитель, возрождение

- ✓ **Buditel** (будитель) (Jungmann 1835, I, 198)
 - Существительные: *buděnj, budič, budjček, budička, budidlo, buditel, buditelka*
 - Прилагательные: *budicj, budiwý*
 - Наречия: *budiwě*
 - Глаголы: *buditi, buditi se*

Основное значение *buditi* и однокоренных ему слов, которые могли бы составить концепт *будитель/пробуждение*, связано с физическим пробуждением, а переносное, которое могло бы «сработать» на идею, проиллюстрировано гораздо меньшим количеством примеров. Это объясняется объективными причинами: будители сами предложили этот неологизм. Тем не менее, случай словоупотребления *Lidské srdce okem budj* очень показателен, так как

акцентируется внимание читателя на пробуждение сердца, то есть души. Именно этого своей деятельностью пытались добиться деятели НВ: пробуждение души, самосознания чехов.

✓ **Obrozenj (возрождение)** (Jungmann 1837, II, 797–798)

- Существительные: *obrozenj*
- Прилагательные: *obrozen, obrozený*
- Глаголы: *obrozugi, obroditi, obroditi se, obrozugi se*

Возрождение — слово, послужившее названием целой эпохи в истории чешского народа, в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна представлено отнюдь не «патриотично», что, как и в случае с лексемой *buditi* и ее однокоренными, закономерно: подобное значение было в новинку. Концепт получил свое распространение и развитие позже. Существительное и прилагательные в словаре переведены на немецкий язык без пояснений и примеров на чешском языке. С глаголами картина несколько иная: объяснение дано не только на немецком, но и на чешском языке, однако общая сема — ‘урожайность’, а не ‘новая жизнь’ в переносном смысле.

При этом примечателен другой пример, ориентирующий пользователя словарем на «возрождение» в том смысле слова, который вкладывали в него будители, считавшие своей задачей буквально *возродить* язык заново. Он находится в словарной статье с корневой лексемой *naroditi: Gakobychom se z nowú narodili. Znowa se naroditi*. (букв.: ‘будто бы снова родиться’, ‘снова родиться’).

2.4.1.3 «Романтические» концепты: независимость, свобода, война

В т.н. «романтические» концепты вошли *независимость, свобода, война*. В силу своей специфики каждый из них окутан своеобразным флёром загадочности, героизма, борьбы во имя благих целей. В то время такой образ подпитывался нашедшим широкое распространение и большую популярность романтизмом в искусстве, поскольку романтизм, вне сомнений, оказал влияние на многие выдающиеся умы эпохи чешского НВ. Идеи о борьбе за свой язык и народ, их защите во многом являются детищем романтизма.

В момент сбора материала для словаря Й. Юнгманна и его выхода в свет среди образованных слоев населения была сильна идея о пробуждении

самосознания чешского народа и возрождения чешского языка, но едва ли были сильны идеи о политической независимости чехов, что и демонстрирует следующий пример.

- ✓ **Nezáwistnost/ samostatnost (независимость)** (Jungmann 1836, II, 716; 1838, IV, 17; 1839, V, 128)
 - Существительные: *nezáwistnost, nezáwistlost; samostata, samostatnost; vlastnowláda*
 - Прилагательные: *nezáwistný, nezáwistlý; samostatný*
 - Наречия: *samostatně*

Концепт *независимость* выстроен Й. Юнгманном весьма своеобразно. Хотя автор и приводит в качестве примеров употребления: *Nezáwistná obec* ‘независимое общество’ или *Člowěk samostatný* ‘независимый человек’. В другой статье мы находим крайне экспрессивный пример, доказывающий понимание практической невозможности восстановления независимости Чехии, отсутствие каких бы то ни было надежд на это: *Samostatnost gest pauhý wrtoch*. Далее следует перевод на немецкий: *Die Selbstständigkeit ist ein blosses Hirngespinst*.

Рассмотрим отдельно две характеристики свободы на разных языках: *wrtoch* и *Hirngespinst*. В чешском языке *wrtoch* является стилистически нейтральным словом: помет нет (Jungmann 1839, V, 193), второе значение ‘навязчивая неприятная идея’ является устаревшим (PSJČ 1951–1953, VI, 1190; кстати, в словаре Юнгманна это значение также ставится на второе место). В немецком языке *Hirngespinst* ‘абсурдная идея’, ‘нездоровая сила воображения/фантазия’, напротив, относится к категории уничижительной лексики, с его помощью выражается сильное неодобрение предмета разговора (DUDEN 1977, 3, 1257). Кстати, если обратиться к переводу обеих лексем на русский язык, то обнаруживается похожая картина: перевод с чешского ‘каприз’ (Чешско-русский словарь 1976, II, 540) «нейтральнее» перевода с немецкого ‘химера, <...>, игра воображения, <...>’ (Немецко-русский словарь 1997, I, 636). Более того, в последнем случае также приводится вариант ‘неосуществимая мечта, несбыточная фантазия’ (там же)⁴¹.

⁴¹ Хотя, конечно, необходимо учитывать, что при переводе некоторые оттенки значения, так или иначе, утрачиваются.

Помня, что зачастую знания чешского языка пользователей словаря были на невысоком уровне в отличие от степени владения немецким языком, мы предполагаем, что не только подобный пример, но и его перевод на немецкий язык не случаен. Приоритетным тогда считалось развитие языка и пробуждение самосознания чешского народа, но не его освобождение из-под власти империи Габсбургов и образование собственного государства, именно поэтому, вероятно, Юнгманн выбирает такую лексему для перевода чешского примера, хотя в немецком языке есть и другие, менее экспрессивные лексемы для передачи желаемого значения.

✓ **Swoboda (свобода)** (Jungmann 1838, IV, 413–415)

- Существительные: *swoboda, swobůdka, swobodenstwĵ, swobodnice, swobodnička, swobodnictwĵ, swobodnictwo, swobodnjĵ, swobodnomluvnost, swobodnost, swobodnjcĵ, swobodowěrec, swobodowěrectwĵ, swobodowěrkyně, swobodowěrnost, swobodowěřictwĵ, swobodstwĵ, swobodstwo*
- Прилагательные: *swobodnický, swobodničin, swobodný, swobodlomuĵný, swoboden, swobodowěrecký, swobodowěrný*
- Наречия: *swobodně, swobodnicku, swobodno, swobodowěrecku, swobodowěrně*
- Глаголы: *swoboditi, swobodněti*

В случае концепта *swoboda* картина следующая: являясь довольно абстрактным понятием, мало привязанным к историческим и актуальным событиям, *swoboda* дает большие возможности при создании нужного образа в глазах читателя.

Одно из ключевых понятий этого концепта *swoboda* сопровождается большим количеством примеров словоупотреблений, одни из которых нейтральны (в значении, например, физической свободы), другие более экспрессивны (в значении свободы духовной, общественной, хотя сема 'рабство как физическая неволя' в этом случае тоже присутствует⁴²).

Рассмотрим более экспрессивные примеры подробнее. Хотя Й. Юнгманн не отсылает с их помощью к конкретным историческим событиям, однако, прошлое чешского народа не позволяет трактовать эти примеры как случайные:

⁴² Приводится такой пример словоупотребления: *otroku swobodu dáti* 'отпустить раба на свободу, дать/подарить рабу свободу'.

W swoboduuwésti, k swobodě přiwesti. Pochowati swobodu. Swobodu hlásati. Na tom mjestě národ tehto pochowal swau swobodu. Ztratil swobodu. Каждый из этих случаев словоупотребления можно, так или иначе, связать с одним из переломных моментов истории чехов, который превратился уже в некотором смысле в легенду: с поражением в битве на Белой горе в 1620 году, когда, по выражению Й. Добровского, началась *doba temna* — упадок чешской культуры, языка и утрата свободы.

Вторая группа примеров к этому значению больше соотносится с пониманием (любой) свободы как основного права человека: *Swoboda a rownost práw w obci. Swobodu obmeziti, potlačiti. Swoboda w náboženstwj. Swoboda tisku. Swodoba přjstawu, trhu. Má swobodu mluwiti. Swoboda od meyta, cla.*

Любопытны и сложные слова с корнем *swobod-*: *swobodnomluwný, swodobnomluwně, swobodnowěrecký, swobodnowěrný*. Они отсылают к важным в историческом контексте и в актуальной ситуации обстоятельствам. Официально протестантская вера на территории империи запрещалась, а органы цензуры контролировали информацию, которая выходила в массы.

Таким образом, хотя концепт *swoboda* и не был приоритетным, не только с помощью примеров, но и через сами лексемы, оттенки их семантики, Юнгманн закладывает основы для понимания свободы как необходимого компонента жизни человека.

✓ **Wálka (война)** (Jungmann 1839, V, 14–17)

- Существительные: *wálčenj, wálčiwo, wálčiwost, wálečnice, wálečnictwj, wálečnjik, wálka*
- Прилагательные: *wálčiwý, wálečný, wálečnj, wálečnický, wálkowy*
- Наречия: *wálečně, walno*
- Глаголы: *wálčiti, wáleti, waliti, waliti se*

Семантика, положенная в основу концепта *война*, позволяет создать, в зависимости от конкретных потребностей, двоякий образ этого явления, как положительный, так и отрицательный. Общий фон примеров не позволяет сделать однозначный вывод, к формированию какого образа стремился Й. Юнгманн, но среди прочих ярко выделяются несколько случаев.

Во-первых, фраза — *Pocně Břetislaw s Streyčenými bratry wáleti, chtě ge z Morawy wypuditi* — отсылает нас к периоду существования Чешского княжества,

игравшего видную роль в Европе того времени. Во-вторых, цитата из Далимиловой хроники — *Ten wáley s Čechy, kdo nechce žiw býti* — сама по себе не нуждается в лишних комментариях. С другой стороны, делается акцент на отрицательной стороне военных действий: *Lépe gest se tři sauditi a sněmowati, než geden rok wáleti*; также обращается внимание на трудности, связанные с войной: *Trudno nám wáleti*. Речь заходит и о гражданских войнах, губительных для империи, с указанием на то, что о них замалчивается: *O domácjch wálkách, kteréž se obwláštně w zemjch Německých na welikau záhubu Řjše wedau, na ten čas mlčjm*.

На наш взгляд, Й. Юнгманн пытается представить концепт *война*, минимально соотнося его непосредственно с историей чешского народа, о чем свидетельствует единичность примеров на эту тему. Мыслью о борьбе с оружием в руках за свою родину и независимость программа НВ не предполагала. С другой стороны, угрожающая реплика о гибели тех, кто нападет на чехов, дает повод размышлять на эту тему.

2.4.1.4 Концепты, характеризующие государственное устройство

Программа чешского НВ была ориентирована на культуру, язык и историю, и борьба за национальное возрождение в тот период не содержала политической составляющей: идей о государственной самостоятельности, как уже отмечалось выше, среди будителей не было, они появились позже. Тем не менее, трактовка разных форм государственного правления, фигур, управляющих народами, представляют большой интерес.

- ✓ **Cjsařstwĵ/ řjše (империя)** (Jungmann 1835, I, 237–238; 1838, III, 831–832)
 - Существительные: *cjsař, ciesař, cjsařjk, cjsařowic, cjsařka, cjsařowá, cjsařowánj, cjsařowice, cjsařowna, cjsařowstwo, cjsařstwĵ, cjsařstwo, cjsařowé; řjšák, řjšān, řjšānj, řjšān, řjšāné, řjšāny, řjše, řjšstwĵ*
 - Прилагательные: *cjsařownin, cjsařowý, cjsařůw, cjsařskokrálowský, cjsařský; řjšsko-stawowský, řjšský, řjsky*
 - Наречия: *cjsařskokrálowsky, cjsařsky; řjsky*
 - Глаголы: *cisařugi, cesařugi*

Личность императора и связанные с ним понятия не вызывали большого интереса у чехов, что логично — это был не их император, не чех. Вероятно, именно в этом кроется и практическое отсутствие экспрессивно окрашенных примеров. Они

либо нейтральны (*cjsařský komora, saud cjsařský, cjsařské pravo, cjsařské nařizenj* и пр.), либо вовсе не соотносятся с «чешской реальностью» (*Neuprwé monarchia aneb cjsařstwj bylo u Assyřských.* или *Mnohé kraginy w cjsařstwj Řjmském*).

Другая лексема *řjše* для обозначения аналогичного понятия находилась примерно на тех же позициях. Мы могли бы ожидать «исторический» случай словоупотребления, который мог бы, например, отсылать к одному из первых государственных образований — к Великой Моравской империи, или к Великой империи времен Карла IV. Однако в реальности Юнгманн говорит только о других империях: *Francouzská řjše, Řjmská řjše, Řjše německá* (или просто *Řjše*), а также об империях в религиозном отношении (*křeřanská, pohanská, mahometanská, nebeská řjše*).

Таким образом, Й. Юнгманн, отлично осознавая, что чехи прочно входят в состав Австрийской империи и представляют немалую часть его населения (вместе с другими славянскими народами), не стремится создать ни положительного, ни отрицательного образа империи и императора.

✓ **Král/ králowstwj (король/ королевство)** (Jungmann 1837, II, 162–165)

- Существительные: *král, králjk, králjček, Králec, králemoc, kralomoc, králewíčna, králewnička, kralice, kralka, králka, kralička, kralobigce, kralobigstwj, kralosup, králowá, králewá, kralowánj, králowec, králowic, králewic, králewíček, králowička, králowicowstwo, králowinka, králowjk, králowjkowna, králowna, kralewna, králownička, kralewnička, králowrah, králowstwj, králewstwie, králowstwo, králowstwjčko, králstwj, králstwo*
- Прилагательные: *kralický, králjkůw, králowicowský, králowicůw, králowicowý, králownin, králowský, králowý, králewý, králiw, králew, kralobigský*
- Наречия: *kralowsky*
- Глаголы: *kralugi, kralyge, kralowati*

Совсем по-другому представлен концепт *король/королевство*, близкий к *императору/империи*.

Во-первых, король обладал большой властью в глаза обычных людей: *Pan bůh vysoko, král daleko, prawdy a sprawedlnosti w swětě málo*. Так, король шел вторым после Бога, и наравне с ним служил синонимом правды и справедливости (ср. пример *Králowé welké oči a dlauhé ruce magj*).

Во-вторых, концепт *король* прекрасно «работает» на историческую составляющую программы чешского НВ. Вспоминается прошлое славян и чехов в частности, а также времена правления Карла IV, который хоть и не был своим королем в полном смысле этого слова, но придал Чешскому королевству в тот период особый статус: *Nakonec <...> w Čechách vládaři začali gmenowati se králi <...>. Karl, ano Čechové před kralem welikým kralůw neznali. Král Český, <...>. Králowstwj České.*

В том же ряду по важности стоит и случай употребления прилагательного *kralický*: **Kralická biblj bratrská**. Книга была напечатана в Моравии, и для деятелей НВ и Й. Юнгманна, в частности, обладала исключительным значением, так как именно язык «Кралицкой Библии» послужил в образцом и ориентиром для будителей при возрождении чешского языка.

Второе значение слова *král* также обладает позитивными коннотациями: переносное значение словосочетания *můg králi* — ‘мой милый, любимый’. Другой положительный пример относится к дочерям короля, которые названы *rozkošné panny*.

Словосочетаний типа «прилагательное + существительное» приводится также достаточно: *králowský dům, dwůr, zámek, rod; králowská stolice, cesta, koruna, sukňě; králowské sjdlo, raucho, králowštj poddanj*.

Концепт *король*, таким образом, выстроен автором словаря исключительно с положительных позиций. Корни такого решения, вероятно, следует искать в историческом прошлом Чехии: когда-то она была королевством, игравшим немаловажную роль на международной арене.

✓ **Monarcha/ panownjk (монарх)** (Jungmann 1836, II, 489; 1837, III, 26–27)

Для обозначения главы монархии в чешском языке существовало две лексемы *monarcha* и *panownjk*. В этот концепт семантически входят и другие слова с корнем *pan-*, но в парадигматический ряд и анализ включены обладающие семой ‘править’, а не только семой ‘благородное происхождение’ и пр.

- Существительные: *monarcha, monarchia, monarchie, monarchj; panowačnost, panowánj, panstwj, panowatel, panugcj, pánowec, pánowitost, panownice, panownictwj, panownjk, panstwo, páństwo*
- Прилагательные: *monarchický; panowačný, pánowitý, panownický, panský*

- Наречия: *pánovitě*
- Глаголы: *panugi*

Трактовка концепта *монарх* (правитель) в сравнении с концептом *король* более нейтральная⁴³, но точки соприкосновения очевидны. Так, Юнгманн выносит в качестве одного из примеров исторический период: *Za panovánj Kroka*; историческое событие с участием Бржетислава I (в примерах не впервые), когда были «золотые времена» чешского государства, времена завоеваний новых территорий и успехов во внешней политике: *Břetislaw wšeco Polsko wjtezsky nawrátíl zase a zeyskel a k Českému panstwj podrobil*. Словосочетаний, построенных по схеме «прилагательное + существительное», также достаточно: *panský dům, dwůr, statek, služebnj, staw, panská práwa, panská služba* и др. Указывается на важность хорошего правителя и необходимость его внимания по отношению к своим подданным: *Zřetel panownikůw gest dobro občanstwa*.

Даже спустя почти два столетия после утраты независимости (а с момента описываемых в примерах событий прошло и того больше), Й. Юнгманн указывал на происхождение чешского народа, его историю, что считалось крайне важным пунктом для деятельности, которую развернули будители в период чешского НВ.

✓ **Demokratie (демократия)** (Jungmann 1835, I, 353)

- Существительные: *demokrat, demokratka, demokratie*
- Прилагательные: *demokratský, demokratický*
- Наречия: *demokratsky, demokraticky*

В качестве «заглавной» лексемы для концепта *демократия* вынесено обозначение человека, *kdo k národowladě se zná*, а не сам политический термин. Только *demokratie* и *demokrat* сопровождаются толкованием на чешском языке, а не исключительно на немецком. Стоит отметить, что сами лексемы при этом созвучны, ср. *demokratický* и *demokratisch*: отличаются только суффиксы, с помощью которых образованы прилагательные в соответствующем языке. Причина подобного сходства в том, что слово *demokratie* и его однокоренные относятся к фонду интернациональной лексики (автор указывает, что источник

⁴³ Впрочем, отрицательно окрашенные примеры все же присутствуют: *panovánj násilné*. Подобных случаев словоупотребления с лексемой *король* найдено не было.

заимствования — греческий язык). Для разъяснения понятия *demokratie* Й. Юнгманн использует чешскую словообразовательную кальку *národowláda*.

Ни в одном случае не наблюдается контекстуальных примеров использования этих лексем, что, объясняется актуальными политическими и историческими обстоятельствами. Подавляющее большинство европейских государств, играющих какую-то роль на международной арене, было монархическими, поэтому этот термин скорее воспринимался как исторический, а не политический, описывающий современную форму управления государством.

✓ **Republika (республика)** (Jungmann 1837, III, 817)

- Существительные: *republika, republikán, republikánka*
- Прилагательные: *republikánský*
- Наречия: *republikánsky*

И хотя концепт *республика* представлен тремя отдельными статьями *republika, republikán, republikánský*, едва ли ему придавалось бóльшее значение в сравнении с предыдущим. Аналогично приводится источник заимствования (здесь это латынь), а примеры словоупотреблений в каких-либо текстах отсутствуют. Термин *republika* толкуется как *wěc pospolitá* ‘общественное дело’, *swobodná obec* ‘свободное общество’. Немецкий перевод представлен двумя вариантами: буквальным заимствованием *die Demokratie* и сейчас уже устаревшим *der Freistaat*. Акценты в чешском и немецком толковании, на наш взгляд, поставлены немного по-разному. Чешское толкование в большей степени отсылает к гражданскому устройству общества, в то время как немецкое — к государственному (*der Staat* значит ‘государство’, ‘страна’).

Из толкования значения слова *republikán* можно заключить, что политическая составляющая семантики этого слова была неактуальной в европейском пространстве в первой половине XIX века. Республиканцем называли жителя республики (*který w republice žige*), а вовсе не сторонника определенных политических взглядов, члена партии или противника монархии в общем смысле. Прилагательное *republikánský* и наречие *republikánsky* трактуются как ‘относящийся к республиканцу’.

2.4.2 «Национальные» концепты

2.4.2.1 Чехи ↔ неславяне

Вопрос противопоставления *чех* ↔ *немец* в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна уже рассматривался (см. Абисогомян 2011, 324–333). Мы попытались не только расширить материал для анализа, включив и названия некоторых других неславянских народов, так или иначе находившихся в довольно тесном контакте с чехами (австрийцы и венгры), но и обратить внимание на какие-то новые аспекты при трактовке примеров, подобранных автором словаря.

✓ **Čech (чех)** (Jungmann 1835, I, 268–269, 287, 291)

- Существительные: *Čech, Čechák, Čecháček, čechořečnost, Čechoslaw, Čechowna, Čechy, Čechyně, Češka, Čechyslawa, Česlaw, Češe, Čěšj, češina, Čěškyně, čeština*
- Прилагательные: *český, češčin, čechůw*
- Наречия: *česko*
- Глаголы: *češtěti, češtiti, češtiti se*

Словарная статья *Čech* начинается с выдвижения версий о происхождении чешского народа, среди которых предпочтение автор отдает той, согласно которой чехи были передовым (*přednj*) племенем из славянских. Примечательно, что в словарной статье приведен в качестве антонима (!) этноним *Němec*. Определение этого слова как антонима в данной словарной статье не может считаться верным и вообще возможным (у этнонима по определению не может быть антонима), но здесь, конечно, важна именно идеологическая составляющая: таким образом Юнгманн вводит главное противопоставление эпохи НВ, на котором выстроена возрожденческая доктрина.

По концепции чешского НВ на долю чехов выпало много испытаний, их народ и язык пытались отодвинуть на второй план, а территория постоянно подвергалась нападениям. Это подтверждают такие фразы, как: *A což tam *Čech (t. Čechůw) bylo, wšecky zbili. Twrze Čechy osadil. Tenkrát Němec Čechu přege, když se had na ledě hřege.*

Плачевное положение чехов постулирует и другой случай: *My ubozj Čecháčkowé.* И хотя Юнгманн указывает, что эта лексема обладает оттенком

презрительности, он не приводит никаких контекстуальных примеров, иллюстрирующих это, а немецкий перевод словосочетания и вовсе не указывает на это: *wir guten Böhmen, wir armen Böhmen*.

Центральный концепт чешского НВ — *язык* — освещен в этих словарных статьях всесторонне. Звучат призывы к изучению языка — *Wlastně malý Čech bud' osobau bud' uměnjm češtiny*, — что соответствует звучавшим часто лозунгам о необходимости изучения чешского языка, знание которого, как уже упоминалось, со временем стало делом престижа. Пример такого рода не единственный: *Gakžt' se česky zase naučj*. В случае с другими языками примера о переводе на этот язык или с него мы не встречаем: на этом языке только говорят (ср. *mluwiti německy* или *po polsku mluwiti*). Чешский язык в этом смысле в более выигрышном положении: на чешский и с чешского переводят, его понимают, на нем говорят: *Na česko, w česko přeložiti. Rozuměti česky. Z česka mluwiti. Abych ta kázanj geho česky wyložil*.

Čeština представляет собой «все чешское», что можно представить: *gazyk, spůsob, obyčeg, zbožj*, хотя в остальных случаях лексемы, образованные с помощью суффикса *-tin/-čín-*, несут в себе только значение лингвонима (ср. *němčina, maďarčina, ruština* и др.). Вслед за словосочетанием *český gazyk* автор приводит *české slowo*, разъясняя, что в данном случае *český* следует переводить как ‘честный, верный, надежный’. Положительной коннотацией обладает и выражение *Český granát*, где *český* имеет два значения: ‘чешский’ и ‘хороший’.

Кроме того, автор прямо приводит случай употребления лингвонима, на основании которого можно проследить факт пагубного воздействия на язык извне, причем подобное влияние оказывает именно немецкий язык: *Poněmčilá čeština* (букв.: ‘онемечившийся чешский язык’).

В духе идеологической доктрины чешского НВ звучат примеры с такими главными словами, как *страна/государство, королевство: Země česká. Králowstwj české. České země obywatelé. Český národ*. С идеями славянской взаимности созвучно объяснение происхождения названия страны: *Bohemia latině se dj, a slowansky Čechy, a takž od prwnjho bydlitele Čecha nazwána gest Čechy tato země*. Так, чехи отрешиваются от латинского названия своего государства/территории как от чужого (к слову, в то время немцы никак иначе, кроме как *Böhmen*, Чехию не называли), предпочитая использовать свое слово славянского происхождения, по имени первого правителя Чеха.

Таким образом, концепт *чех* практически не иллюстрируется примерами отрицательного характера⁴⁴. Создается исключительно положительный образ: развивается идея о необходимости защиты, изучения и распространения чешского языка согласно программе НВ; внушается мысль о бедных, несчастных чехах, которые находятся под давлением и гнетом немецкого народа.

- ✓ **Němec/ German (немец/ германец)** (Jungmann 1835, I, 603; 1836, II, 673–674)
 - Существительные: *Němec, Němeček, Němčisko, Němčucha, Němka, Němkyně, Němkyně, Němče, Němčata, Němci, němčina, němčina, Němce, Němčj, němčitel; German, Germanowé, Germanie*
 - Прилагательные: *německý, němčj, němciw*
 - Наречия: *německu*
 - Глаголы: *němčiti, němčeti, němčiti se*

Хотя германцы не нация, а племя-предок немцев, мы посчитали необходимым включить эту группу слов в парадигматическую цепочку, но не в анализ (в том числе и потому, что Юнгманн не приводит никаких примеров словоупотреблений).

Словарные статьи, которые составляют концепты *немец* и *чех*, построены частично зеркальным образом. Так, в качестве антонима по отношению к этнониму *Němec* стоит *Slowan*, что, как мы уже упоминали, с точки зрения языка невозможно, но сделано – в идеологических интересах, из желания в очередной раз усилить остроту противопоставления *чех* ↔ *немец*. Учитывая уже упомянутую приоритетную для Юнгманна версию происхождения чехов, согласно которой они являлись передовым славянским племенем, логично предположить, что под славянином подразумевается в первую очередь *чех*, а потом уже все остальные славянские народы. Желая лишний раз противопоставить чехов немцам, Юнгманн в качестве примера подбирает экспрессивно окрашенную фразу — *Nechwalno nám w Niemczech iskati prawdu* —

⁴⁴ Пожалуй, единственное явное исключение — фраза *Gsau, gsau po Slowanech Češata* ‘есть, есть среди славян *Češata*’, т.е. ‘плохие чехи’, а немецкий перевод и вовсе дает повод думать, что речь идет о маленьком ребенке (*Böhmling*: и уменьшительно-ласкательный суффикс *-ling* для обозначения детей, также этот суффикс может иметь оттенок пренебрежения).

напоминая о самобытности чехов и отсутствии необходимости ориентации на немцев⁴⁵.

В словарных статьях, посвященных немецкому народу и вообще всему «немецкому», нередко упоминаются чехи в разной связи.

Особое внимание хотелось бы обратить и на зеркально образованные глаголы *němčeti* ↔ *češtěti*, *němčiti se* ↔ *češtiti se*, *němčiti* ↔ *češtiti*. Примеры, которые приводит Юнгманн, прямо отражают мысль, которую будители активно пропагандировали: чешский язык на грани вымирания, а чешская нация, находясь с немцами в постоянных контактах (*Wezdy nám súsiede Němci*), практически ассимилировалась. Например: *Čech se brzo němčj mezi Němci. On němčj.* (‘германизироваться’ в общем значении). Кроме того, мы находим такое отглагольное существительное как *Němčitel* — тот, кто онемечивает. Характерно, что чешский вариант лексемы, аналогично образованный, отсутствует. С другой стороны, именно в «немецких» статьях мы находим такой пример, как *Německý Čech*, который прямо отсылает нас к явлению, которое позже исследователи назовут «земский патриотизм»⁴⁶. Также указано, что среди чехов даже распространена фамилия *Němec*⁴⁷.

Это не единственные случаи отрицательно окрашенных примеров словоупотребления лексем с корнем *něm-*. Приводятся варианты пренебрежительного наименования немца: *Němčuha*, *Němčisko*. В описании второй лексемы автор прямо обозначает слово как «унижительное, позорное».

Лексема *Němčina* образована по общей схеме наименования языков в чешском языке, но если в «чешском» случае оно обозначает буквально все, что связано с чехами, то в «немецком» — только язык. Тем не менее, в созвучии с идеей о важности национального языка, Юнгманн богато иллюстрирует немецкий язык соответственными примерами: *Mluwiti německy. Po německu. I ge sě s niemec mluwiti* (устаревшая форма). Похожим образом дело обстоит и в других случаях, когда Юнгманн включает в словарные статьи «идеологические» словосочетания

⁴⁵ Чехи, всеми силами стремившиеся обособиться от немецкого народа и их культуры, не смогли избежать влияния чужой культуры: их собственная, вопреки всем стараниям, развивалась в тесной связи с немецкой (см., например, Macura 1995, 36–39).

⁴⁶ Подробнее см. Мильников 1997, 82–83; История 2008, I, 582–583.

⁴⁷ Так, фамилия писательницы той эпохи Божены Немцовой (Božena Němcová), произведения которой входят в золотой фонд чешской литературы и которую считают создательницей реализма в национальной литературе, образована как раз от этнонима *Němec*. Немцова — не единственный пример носителя подобной фамилии.

(ср. аналогичные примеры с прилагательным *český*): *Německá země. Německý národ. Německá říše, a mezi druhých Kragin Německých. Německý řád.*

Отдельно стоит упомянуть о втором значении ‘чужой, иностранный’ прилагательного *německý*, приведенном в словаре, которое представляется общим для некоторых славянских языков (например, для русского⁴⁸). В каждом из случаев для этого были свои исторические причины как общие (немецкий язык для славян был непонятным), так и частные (для чехов это близкое соседство с чуждым неславянским народом, бóльшим по населению и влиянию).

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что предположения о сильном противостоянии чехов и немцев, прежде всего в рамках программы чешского НВ, не являются сухой теорией, что и демонстрирует один из главных документов эпохи — «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна.

✓ **Rakušan (австриец)** (Jugmann 1837, III, 787–789)

Хотя к тому время существовало разделение немцев и австрийцев (уже были и отдельные лексемы для обозначения двух народов), в качестве главного «противника» чехи рассматривали все же немцев, в то время как государство, которому они подчинялись, называлось «Австрийская империя».

- Существительные: *Rakaus, Rakausy, Rakaušek, Rakúsy, Rakausko, Rakusic, Rakušan, Rakušané, Rakušanowé, Rakušáné, Rakušanka*
- Прилагательные: *rakauský, rakúský, rakušančín, rakušanůw*
- Наречия: *rakausky, rakúsky*

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на примеры словоупотребления с «исторической» коннотацией, а именно на фразу, отсылающую к борьбе чехов и австрийцев: *Čechové mocně (w Uhřjch) na Rakausy leželi*; а также на предложение, согласно которому австрийцы понесли большие потери в битве: *Na ty Rakusice Plawci udeřili, a mnoho Rakusicůw zbilí*. В том же ряду стоит и следующий пример: *Čechy hraničj s Rakausy* (не входят в состав Австрии, а граничат с ней!).

Автор приводит и другие возможные варианты употребления, например: *Cjsař Rakauský, Dům Rakauský, Země Rakauská*, — являющиеся отражением реального положения дел.

⁴⁸ См., например, Срезневский 1989, II, ч.1, 486 (немцем называли представителя «всякого чужого народа, котораго языкъ непонятенъ»); ср. Даль 1914, II, 1459 и Евгеньева 1999, II, 456.

Таким образом, противостояние чех ↔ австриец было не таким острым, чтобы строить статьи также экспрессивно, как в случае с немцами.

✓ **Uher (венгр)** (Jungmann 1836, II, 371; 1838, IV, 717–718)

- Существительные: *Uher, Uhor, Uherka, uhernice, uherčina, uherština, Uhersko, uherkyně; Maďar, Maďer, maďarčina, maďerčina, Maďerka, Maďerka*
- Прилагательные: *uherčin, uherský; maďarský, maďerský*
- Наречия: *maďarsky, maďersky*

Для наименования венгра в чешском языке в то время существовали две лексемы *Uher* и *Maďar*, этноним *Uher* сопровождается словацким вариантом *Uhor*, также приводится вариант польский *węgrzyn* и русский *wengerec*. Автор дает в словарной статье небольшую «энциклопедическую» информацию о венграх, местах, ими населенных, и их наименовании. Некоторые случаи словоупотребления окрашены явно негативно. Так, в одном из примеров упоминается, вероятно, пристрастие венгров к алкоголю: *Nalit Uhřie (t. Uhřj) w setniny se shlukú*; в другом делается отсылка к некоему историческому эпизоду, где чехи преследуются венграми: *Giž Čechové běžechu, a Uhři za nimi silně tečechu*. В третьем случае венгры и вовсе названы «мерзкими», «подлыми»: *Mým synom sem ustawil, ne wám newěrnj sokowé, wy gste otkuds habenbj Uhrowé*.

Для наименования венгерского языка Й. Юнгманн предлагает две лексемы *uherčina*⁴⁹ и *uherština*. Очевидно, что предпочтение отдавалось первому варианту, так как к нему все же подобран пример, в то время как во втором случае они отсутствуют (дается ссылка на *uherčina*). Сам пример словоупотребления с формальной точки зрения нейтрален: *Láme uherčínu* ‘он плохо говорит по-венгерски’, — однако в свете идеологической программы чешского НВ с ее лингвоцентричностью вполне закономерен. Главным языком империи являлся немецкий, а национальные языки народов, которые входили в ее состав, находились на периферии.

Примеры к топониму *Uhersko* нейтральны: *gel do Uherska; přigel z Uherska*.

Интересно рассмотреть лексемы *uherkyně* и *uherský*. *Uherkyně* образована с помощью суффикса *-kyně*, что дает повод предполагать, что это ‘венгерка’ по

⁴⁹ Этим же словом обозначали сорт вина из Венгрии (также *uherka, uhernice*).

аналогии, например, с *Českyně* (Jungmann 1835, I, 291) и *Němkyně* (Jungmann 1836, II, 674), однако на самом деле это название болезни, которая сегодня известна как стенокардия.

Лексема *uherský* любопытна с точки зрения примеров словоупотребления, которые подобрал автор словаря. Так, фраза — *ani Česká ani Uherská země nemůže nasytiti lidského lakomstw⁵⁰* — «работает» в первую очередь на создание положительного образа чешских земель, хотя статья о понятиях, соотносимых с чем-то венгерским. В примере же — *Dobře Uherské wjno po osmi velikých* — представлена позитивная характеристика. Однако там же Й. Юнгманн приводит и узуальное употребление *za uherský měsíc* (букв.: ‘через венгерский месяц’), что означает «никогда».

Второй вариант этнонима для обозначения венгра представлен автором как нейтральный но, вероятно, менее распространенный, по крайней мере в то время. Заглавное слово в статье — *Mad'ar* со словообразовательным вариантом *Maděr*. В качестве чешского толкования используется первое значение слова *Uher*.

Й. Юнгманн не приводит никаких примеров словоупотребления из литературных или словарных источников, но включает некоторые словосочетания: *mad'arská řeč*, *krog*, а также *mad'arský národ*, *gazyk*. Единственный случай словоупотребления — узуальный: *mluviti mad'arsky, po mad'arsku*. Подобные примеры явно соотносятся с ключевыми понятиями чешского НВ — *narod* и *язык*. Таким образом, даже в «недружественной» чешскому языку и народу статье автор подбирает примеры в духе доктрины языкового и национального возрождения.

В целом картина представляется нейтральной, но через отдельные примеры все же прослеживается отражение идей НВ: значимость языка, история как важная составляющая народа, необходимость самоидентификации нации.

⁵⁰ Пример повторяется и в «чешских» статьях.

✓ **Morava/ Morawan (Моравия/ моравин)** (Jungmann 1836, II, 489–490)

В эту группу концептов мы также включили *Моравию* и её жителя *моравинина* по причине их фактической принадлежности к Чехии и чехам соответственно в силу большого количества точек соприкосновения, как исторического, так и ментального характера, хотя, как уже было упомянуто выше, региональное самосознание мораван было очень высоко, и долгое время не исключался вариант реального отделения мораван от чехов и, как следствие, создание отдельного этноса.

- Существительные: *Morawa, Morawan, Morawec, Morawčjk, Morawčan, Morawanka, Morawka, Morawčanka, Morawčička, Morawany, morawčina, morawstwo*
- Прилагательные: *morawský*
- Наречия: *morawsky*

При создании концепта с центральным понятием *Моравия* главное внимание Й. Юнгманн уделяет историческому прошлому региона, что вполне соответствует духу программы чешского НВ: в этот период изучению истории придавалось большое значение. Так, фразы — *Na Morawě wytištěná kniha, Morawčjci biskupa swého* <...> — отсылают к временам независимости чехов, когда не только печатались книги на родном языке без цензуры, но и был свой епископ. Примеры — 1) *Morawa z Swatopluka k Čechám přišla*⁵¹ <...>, 2) *Špehéri Morawcům oznámili, že – tu Morawané*, 3) *Morawská země*, 4) *Knjžete Morawského*, — с одной стороны, напоминают о единстве чехов и жителей Моравии⁵² (1), а с другой, разделяют их и напоминают о самобытности населения Моравии, их прошлой независимости и могуществе (2–4).

Идея лингвоцентричности находит свое отражение через пример: *po morawsku neb morawsky mluvíti*.

Таким образом, этот концепт отражен в соответствии со всеми положениями программы: такими, как важность языка и знание своей истории.

⁵¹ О присоединении Моравии к Чехии находится похожий пример в «чешских» статьях.

⁵² Подробнее о проблеме см. вторую часть первой главы.

2.4.2.2 «Славянские» концепты

✓ **Rus (русский)** (Jungmann 1837, III, 959–961)⁵³

- Существительные: *Rus, Rusowé, Rusák, Rusjn, Rusáčka, Rusia, Rusie, Rusj, Rusjnka, Ruska, Rusko, Rušan, Rušanka, ruština, Rusy*
- Прилагательные: *rusčín, ruský, rusůw*
- Наречия: *rusky*

Этноним *Rus* и все его дериваты представлены в словаре достаточно богато с точки зрения количества лексем с соответствующими чередующимися корнями.

Примерами проиллюстрированы топоним *Rusia* и прилагательное *ruský*. Если сравнить случаи употребления топонима *Uhersko* и топонима *Rusie/ Rusko*, то можно обнаружить, что в случае с Россией картина представлена нейтрально: *Russie, kteráž bjla slowe. Powolal Jesuity z Ruska do Neapole. Půgdu do Rus. Byl gsem v Rusjch. Do Rusj se nawrátíl.* Исключение составляет выражение ***Ruský měsíc***, в отличие от «венгерского» значит «очень долго» с пояснением о том, что начинается дело через 14 дней и через столько же заканчивается.

Варианты же употребления прилагательного *ruský*, напротив, подобраны согласно главным идеям НВ: *ruská země, ruský cjsař, ruská řeč, zámek, fragma*. И если значение последнего примера выяснить не удалось, то остальные не вызывают трудностей: они отсылают к языку, государству; или к «национальным» особенностям: например, царь в русской истории играл не только роль главы государства, его образ стал в народе легендарным (т.н. миф о добром царе⁵⁴).

На основании примеров действительно можно заключить факт ослабления симпатий чехов по отношению к русскому народу (особенно после жестокого подавления польского восстания 1830 года), на который возлагались большие надежды, как на наиболее многочисленный, на тот момент единственный самостоятельный, славянский народ. Также возможной причиной столь бледного материала может быть уже превалирование (ко времени окончательной

⁵³ Лексемы *Rusňáčka, Rusňák, Rusnák, rusňácký, rusňnacky, rusnaččín, rusňákůw* не входят в наш список, так как отличаются семантически: это названия русинов (в словаре Юнгманна ‘малороссы’), а не русских.

⁵⁴ См. например: Воркачев 2012, 157–158.

подготовки и выхода в свет «Чешско-немецкого словаря») национальной чешской идеи над общеславянской.

✓ **Polák (поляк)** (Jungmann 1837, III, 257–258, 267, 274)

- Существительные: *Poláci, Polaček, Polák, poláček, Polačka, Polka, Polan, Polené, Polané, Polany, polčina, polština, Polkyně, Polska, Polsko*
- Прилагательные: *polský*
- Наречия: *polsky*

Концепт, в центре которого стоят *Польша, поляки, польский язык*, представлен в словаре в основном разными вариантами этнонима *Polák*.

В контекстуальных примерах непосредственно к этнониму *Polák*⁵⁵ приводится предложение: *Němci nechaj wlasy růsti, gako Poláci čupryny*. Вероятно, это прямая иллюстрация распространенного стереотипа о поляках, которые носят чубы. В той же словарной статье Й. Юнгманн упоминает вариант этнонима *Poláne* с пометкой «устаревшее». Примеры: *Polany pewně pobil. Polané oružj chwátagú. Strach udeři u wše u Polany. Množstwj Polan*. Также *Polany* могли обозначать ‘Польша’. В следующем случае пример содержит исторические сведения: *Boleslaw do Polan gede, a s swau škodau s Polany w mjr wegde*.

Наименование для польского языка приведено в двух вариантах *polčina* и *polština*. *Polština* обозначает не только польское наречие, но и *obečeg, strog, spůsob*, т.е. ‘традиция, костюм, манера’. Такие примеры соответствуют доктрине НВ, ориентированной на язык и нацию.

В примере к этнониму женского рода *Polka* упоминается красота и величие родовитых особ: *Pod nohau trepky zlatem a mnohým ozdobem po královsku, gako ranj Polky nosj*.

Топоним *Polska/Polsko*⁵⁶ иллюстрируется нейтральными примерами: *Do Polsky, odkudž byla rodem, se nawrátila; Obrátil se do Polsky, Nedaleko Kazimiře, genž gest we wětšj Polště, Tataré sie w Polšče rozložichu*. Там же разъясняется и происхождение названия страны (при этом в данное понятие включалась и область *Slezko*, когда она принадлежала Польше): *A tak ta země i nazvána gest Polsko od veliké rowně polské*. Есть упоминания и об историческом прошлом

⁵⁵ К диминитиву *Polaček* в значении ‘поляк’, а не ‘монета’ примеров нет

⁵⁶ У лексемы есть значение «плоская земля», однако мы рассматриваем только топонимический вариант.

Польши и её величии: *Polsko gest dwoge, malá i welká, Do weliké Polsky*. Автор упоминает и об общих событиях в истории Чехии и Польши: *Dwanáct set lidu z Čech do Polsky wyprawil*.

Прилагательное *polský* Й. Юнгманн в первую очередь соотносит со значением ‘полевой’, а примеры приводит из области ботаники и зоологии. Только второе значение соотносится с Польшей, и примеры так или иначе ориентированы на патриотические чувства: *Polská země. Polské moře. Polská řeč. Polsky, po polsku mluvíti*, за исключением одного: *Wšak štika poněkud to pánu zaplatj* (t. že škodu dělá w rybnjce), *když gi sobě po polsku neb gak chce připrawj*.

На основании собранного материала по содержанию концепта *поляк* можно заключить, что этот концепт был выстроен положительно в сознании чехов: автор приводит в основном либо нейтрально, либо положительно окрашенные примеры словоупотреблений; вспоминает славное историческое прошлое поляков, что соответствовало общим идеям чешского НВ.

✓ **Slowák (словак)** (Jungmann 1838, IV, 155)

- Существительные: *Slowáctwo, Slovač, Slovaček, Slowák, slowačina, Slovačisko, Slovačka, Slowáček, Slowáky*
- Прилагательные: *slowácký, slowaččin, slowákůw*
- Наречия: *slowácky*
- Глаголы: *slowakyzugi*

Парадигме этнонима *Slowák* в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна в качестве источника часто служил «Словацко-чешско-латинско-немецко-венгерский словарь» Антона Бернолака.⁵⁷

Slowák в значении ‘житель Словакии/представитель словацкого народа’, а также другие однокоренные лексемы, образующие концепт *словак*, представлен довольно традиционно: различные варианты этнонимов мужского и женского рода (в том числе со значением ‘гадкий, неумелый’), лингвоним *slowačina*, несколько вариантов обозначения словацких земель (*Slowáctwo, slowač, Slowácká země, Slowáky*).

⁵⁷ A. Bernolák. *Slowár Slowenský, Češko-Latínsko-Ňemecko-Uherský*. I-IV. Budín, 1825/1827.

Единственный глагол парадигмы со значением ‘«словакизироваться»’ и пример его употребления в очередной раз указывает на тесные связи славян между собой: *Tu Slowáci srbizugj, a Srbi slowakyzugi.*

В качестве второго значения лексемы *Slowák* указывается значение ‘славянин’, что связано с происхождением этнонимов «славянин» и «словак» от одного корня. Надо отметить, что контекстуальных примеров к этому значению больше, кроме того, они активней «работают» на главную идею славянской взаимности: *Král Slowanský kraluge nad swými Slowáky. Od Jawana Řekowé a Slowáci pocházegj.* Другое любопытное значение этой лексемы, хоть и устаревшее, — монастырь, который раньше находился *w Slowanech*, где богослужения проходили на славянском языке, а также были книги на глаголице.

Таким образом, концепт *Slowák* был построен в большей степени с ориентацией на славянство в принципе и не имел своей целью представить только соседний для чехов народ.

✓ **Slowan/ Slowějn (славянин)** (Jungmann 1838, IV, 155–156)

Для концепта *славянин* существовало несколько лексем и однокоренных им слов с похожими корнями: привычное *Slowan*, а также *Slowák* (см. выше) и *Slowějn*.

- Существительные: *Slowan, Slowané, Slowené, slowančina, slowanština, Slowanjn, Slowan, Slowějn, Slowanka, Slowansko, Slowanskost, Slowanstwj, Slowany, Slowenčina, Slowenec, Slowenci, Slowějn, Slowenjn, Slowenka, Slowenkyně, Slowensko, Slowenstwj*
- Прилагательные: *Slowanský, slawonský, slowenčin, slowenský*
- Наречия: *Slowansko*⁵⁸, *slowansky, slowensky*

Прежде всего Й. Юнгманн дает краткую информацию о вариантах происхождения общеславянского этнонима, например от ‘слава’ или от ‘слово’. Кроме того, автор указывает, какие народы сейчас относятся к славянам и старинные названия племен, произошедшие во многом от легендарных прародителей *Slowan (Slowák), Chrwat, Lech, Čech, Bies*. Характеристика — *ginj slowák a člowěk za gedno powažugj* — не может считаться нейтральной, так как прослеживается выражение явных симпатий к славянам. Напомним, что в случае общегерманского этнонима *Germán* подобной картины не наблюдается. О

⁵⁸ Часть составного слова.

влиянии общего прошлого на разных представителей славянских народов говорят и такие случаи употребления, как: *Slowané zvláště gsau praotcowé Bulgarů, Slowenců Pannonických a Slowáků. Mocný výstup Slowanů w 6 stoletj a Kyrillowo pjsmo*. Идея славянской взаимности, которой придавалось большое значение, по крайней мере, на первых этапах эпохи чешского НВ, обыгрывается в примере *Nám se giný swět otewřel (než Weleslawjnům, Komenským atd.), totiž Slowanstwj, z těchto sestřenských studnic gest nám chwalněj čerpati*. Й. Юнгманн буквально призывает черпать знания из славянских источников, в то время как «искать правду чехам у немцев *nechwalno*».

Порой чехи приравнивают себя к славянам в общем смысле: *Slowanové neb Čechové*. Интересно, что название языка славян по своей характеристике похоже на аналогичную «чешскую» лексему. Так, в случае с *Slowančina/slowanština* значение включает в себя не только язык, но и другие «славянские» атрибуты: одежду, обычаи и пр. Фраза — *Tu gest na tom mjstě gedna řeč slowanská, gešto nedobře slawanská slowe, počátek swűg wzala* — отсылает к происхождению общего для всех славян языка.

В случае этнонима *Slowenec* происходит вновь смешение понятий: он одинаково мог означать и ‘словак’, и ‘славянин’. Отдельно хотелось бы отметить, что одно из значений лексемы *slowenský* — ‘четкий, ясный’. На фоне, например, не выделенного автором словаря в качестве нового, отдельного значения, прилагательного *český*, а лишь поясненного значения ‘хороший’, подобный семантический сдвиг ожидаем.

Итак, довольно подробно разработанная идея славянской взаимности, которая в свое время была одним из главных ориентиров будителей и служила мощным толчком для развития связей между славянами и для эволюции отдельных национальных культур, находит свое отражение и в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна, где постоянно указывается на общность славян.

Заключение

Темой нашего исследования являлось изучение положений программы чешского НВ, касающихся языка и идеологии и получивших отражение в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна, с обращением особого внимания на контекстуальные примеры использования слов-концептов или целых групп слов, составляющих в своей общности концепт.

Для достижения главной цели данной бакалаврской работы нами было рассмотрено несколько теоретических вопросов:

во-первых, мы ознакомились с историей чешского языка, обратив особое внимание на ключевые моменты в целом, а также на период, который предшествовал эпохе НВ, чтобы выяснить все обстоятельства и политические и общественные условия для перспектив развития языка;

во-вторых, были выделены основные положения доктрины чешского НВ с акцентированием на ее лингвоцентричность;

в-третьих, была рассмотрена роль Й. Юнгманна в этот период и его вклад в реализацию основных пунктов программы НВ, прежде всего с помощью «Чешско-немецкого словаря».

Так, в ходе работы мы узнали, что чешский язык имеет богатую историю, и к XVI века стал системой, которая была способна обслуживать все сферы жизни, как общественные и политические, так и художественные. Именно язык этого времени был взят за образец будителями — деятелями чешского НВ, — которые активно продвигали мысль об угрозе вымирания языка, что было сильно преувеличено, но в условиях того времени отлично «работало» на общий план по сохранению, развитию и распространению чешского языка. Й. Добровский создал целую программу, направленную на это, а Й. Юнгманн позже дополнил её и воплотил в своем «Чешско-немецком словаре».

Разработанная доктрина чешского НВ сводилась к следующим положениям:

- 1) язык — это главное средство для пробуждения самосознания чешского народа: именно для его сохранения и развития следует принять меры;
- 2) история — это сокровищница прошлого, которое необходимо воскресить в памяти и не забывать;

3) необходимо противостоять немецкому воздействию и ориентироваться на родственные славянские народы (т.н. идея славянской взаимности/общности).

Особую роль в процессе продвижения основных идей чешского НВ сыграл Й. Юнгманн, который стал создателем фундаментального пятитомного «Чешско-немецкого словаря», представив в нем практически весь существовавший на тот момент лексический запас чешского языка, добавив множество вариантов лексем, предлагая проследить, какие со временем приживутся в языке, а какие уйдут в небытие. В этом труде Юнгманн, обращая свое внимание на ключевые слова эпохи, по-особому строит соответствующие словарные статьи. Он не только концентрируется на толкованиях, но и зачастую с конкретной целью подбирает примеры словоупотреблений. На основании собранного нами материала и его анализа можно сделать вывод о том, что все идеи чешского НВ нашли свое материальное воплощение на практике в словаре Й. Юнгманна.

Проанализировав две большие группы концептов, разделенных по «идеологическому» и «национальному» признаку, мы можем выделить наиболее яркие и важные для программы чешского НВ.

Так, концепт *язык*, вне сомнений, являлся одним из ключевых в доктрине НВ. Язык выступает как инструмент отделения одного народа от других, а порой и вовсе приравнивается к самому народу. Через этот концепт пропагандируется распространяемая в то время идея о необходимости владения чешским языком, причем в первую очередь аристократией и образованными слоями общества (крестьяне и горожане на нем разговаривали в той или иной степени). Концепт *нация/ народ* рассматривается безотрывно от концепта *язык*, а также в созвучии с идеями славянской взаимности: чехи как часть большой славянской семьи, причем как один из передовых славянских народов.

Противоположные образы *чехов* и *немцев*, которые создает Й. Юнгманн в своем словаре, — ключевые для эпохи НВ. Чех — хороший, но несчастный и угнетенный, находящийся в зависимости, а немец — угнетатель, носитель пагубных знаний, перенимать которые не стоит в любом случае. Другие чужие народы (*австрийцы, венгры*) представлены менее враждебно. Жителя Моравии относят к чешскому народу, а не рассматривают как представителя отдельного народа, хотя в то время это было не столь очевидно вопреки родству языков, ментальности и общей истории. Родственные славянские народы (*русский, поляк, словак*) представлены в основном положительно.

На идею *свой* ↔ *чужой* работают не только «национальные» концепты, но и «идеологические» концепты *государство, история, родина*. Тем не менее, «государственные» устремления были слишком слабы, и в словаре концепты типа *монархия, республика, демократия*, а также «романтические» вроде *свобода, независимость* представлены не особо развернуто.

В целом, Юнгманн успешно выстраивает новую, «правильную» картину мира для чеха XIX века, которая в целом, по нашему мнению, может быть сведена к четырем основным положениям:

1. Чех — хороший, немец — плохой.
2. Славянские народы — родственники. Контакты нужно искать и строить с ними, а не с чужими немцами.
3. Язык — это главное достояние чешского народа. Для его сохранения, изучения и распространения нужно приложить все усилия.
4. Свобода — пока несбыточная мечта, но историю необходимо помнить. Родина нуждается в защите, она является тем местом, куда надо вернуться.⁵⁹

В заключение считаем необходимым отметить, что на следующем этапе работы планируется расширение базы словарного материала (например, включение таких концептов, как *вера, род (семья), братство*), а также анализ развития значений концептов во времени. Для этого предполагается проверить, каким образом толкуются слова-концепты или группы слов, в первую очередь в следующем большом толковом словаре Б. Гавранека⁶⁰, а затем сравнить полученные результаты с данными современных словарей и языковых корпусов. Данное исследование, по нашему мнению, позволит проследить, какую роль играет каждый концепт в определенный момент исторического развития языка и этноса, как изменяется актуальность, оттенки значения и коннотации этих лексем.

⁵⁹ Кстати, мотив возвращения в родные края часто присутствует и в примерах к «национальным» концептам.

⁶⁰ *Příruční slovník jazyka českého*. I–IX. Hl. red. B. Havránek. Praha, 1935–1957.

Kokkuvõte

Keele- ja ideoloogilise doktriini kajastus J. Jungmanni „Tšehhi-saksa sõnastikus“ tšehhi rahvuslikul ärkamisajal

Antud bakalaureusetöö peamiseks temaks on keele- ja ideoloogiline doktriin tšehhi rahvuslikul ärkamisajal ja selle kajastus J. Jungmanni „Tšehhi-saksa sõnastikus“ (Jungmann 1835–1839). Uurimiseks oli vajalik kirjeldada tšehhi keele ajaloolist arengut, eristada doktriini põhilisi lähtekohti ja välja selgitada J. Jungmanni rolli antud protsessis.

Keelematerjaliga töö põhiallikaks on J. Jungmanni „Tšehhi-saksa sõnastik“. Seal on kõige rikkalikumalt kajastatud tšehhi keele sõnavara ja võimalused uuel ajastul; see on suur seletussõnaraamat ja esimene tšehhi keele teaurus alates keele tekkest. Sõnaraamatus peab otsima doktriini lähtekohtade kajastust, sest keel oli orientiiriks ja pidepunktiks tšehhi rahvuslikul ärkamisajal.

Sõnastikust oli bakalaureusetöö jaoks valitud ajastu jaoks kontseptuaalne sõnavarakiht — sõnad, mis on sõnastiku autori arvates erilise tähenduse kandjad uue maailmapildi kujundamisel. Kontseptide esimene grupp on „ideoloogilise“ suunaga. Peamised kontseptid siin on *keel, rahvas, isamaa, ajalugu ja riik*. Teised on seotud iseseisvuse ideedega — erinevate riigikorralduse vormide ja vahetult ärkamisliikumisega. Kontseptide teine grupp on „rahvuslik“. Gruppi on sattunud need kontseptid, mis on tähendusväljas „*oma ↔ võõras*“, mida on põhjendatud erinevate rahvaste vastandusel. Peamine vastandamine tšehhi rahvuslikul ärkamisajal on *tšehh ↔ sakslane*. Slaaviühtekuuluvuse idee ja tema järgmine teisendus olid tollel ajal väga tähtsad, seetõttu on tehtud sugurahvaste nimetuste — *venelane, poolakas, slovakk*, samuti üldslaavietnonüümi *slaavlane* — analüüs.

Bakalaureusetöö teoreetilise osa tulemuseks on selge keele- ja ideoloogilise doktriini ettekujutus tšehhi rahvuslikul ärkamisajal. Keel, mida oli vaja „kaitsta“ ja uuendada, mängis tšehhi rahvusliku iseteadvuse ärkamisel põhilise vahendi rolli. Ajalugu on tšehhide kuulsa mineviku allikas, mida peab meeles hoidma. Saksamõju vältimiseks on tarvis orienteeruda slaavi sugurahvastele.

Antud töö praktiline osa käsitleb kirjeldatud ideede materiaalsel tunnistust. *Keel* on esindatud kui eneseidentifikatsiooni vahend, mõnikord isegi samastub rahvusega. Propageeritakse keele valdamise vajaduse ja selle arengu ideed. Tšehhi rahvas pole tihedalt seotud ainult keelega, vaid on ka suure slaaviperekonna üks eespositsiooni

osadest. Tšehhid on kuulsa minevikuga rahvas (sellele pööratakse pidevalt tähelepanu), kelle eesmärgiks oli kultuuri iseseisvus, kuid poliitilise vabaduse ideed olid nõrgad.

Peamine vastandus *tšehh* ↔ *sakslane* on esitatud J. Jungmanni sõnastikus väga säravalt; tšehh on hea, aga õnnetu, sõltuv ja rõhutud, sakslane on halb rõhutaja. Slaavi sugurahvad näevad seal peamiselt välja positiivselt.

Tehtud uurimustöö näitas, et tšehhi rahvuslikul ärkamisajal välja töötatud doktriin sisaldab järgmisi punkte:

1. Keel on peamine vahend rahvusliku iseteadvuse ärkamiseks, tema kaitsmiseks ja arendamiseks on vajalik tavitusele võtta abinõusid.
2. Ajalugu on minevikuvaramu, seda minevikku on tarvis taastada ja meeles pidada.
3. On tähtis saksamõju vältida ja orienteeruda slaavi sugurahvastele.

Josef Jungmann mängis tšehhi rahvusliku ärkamise ideede tungis erilist rolli. Ta on põhjaliku viieköitelise „Tšehhi-saksa sõnastiku“ looja, kus on kogutud peaaegu kõik tollel ajal olev tšehhi keele sõnavara, kuhu on koondatud ka suur hulk sõnade variante, pakkudes keelele ja keelekandjatele võimalust iseseisvalt otsustada, millised nendest säilivad ja millised kaovad. Jungmann pöörab tähelepanu ajastu võtmesõnadele, mille sõnaartikleid koostab väga omaapäraselt. Tema eesmärgiks oli mitte ainult leida head ja sobivat sõnaseletust, vaid ka valida ja tuua näiteid konkreetse mõttega. Kogutud materjali ja selle analüüsi alusel võib järeldada, et kõik tšehhi rahvusliku ärkamisaja ideed leidsid oma kehastuse ka praktikas — J. Jungmanni sõnastikus.

Список литературы

1. Абисогомян 2006 — И. В. Абисогомян. *К вопросу об истории чешской лексикографии эпохи Национального Возрождения: опыт хронологии. Микроязыки. Языки. Интеръязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко.* Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С. Н. Кузнецова. Тарту, 2006, с. 242–251.
2. Абисогомян 2011 — И. В. Абисогомян. *Национально-языковая ситуация в Чехии эпохи национального Возрождения и способы её отражения в словаре.* Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. *Humaniora: Slavica Tartuensia IX.* Тарту, 2011, с. 324–333.
3. Абисогомян 2013 — И. В. Абисогомян. *Лингвопрагматический подход к становлению литературного языка в условиях двуязычия (на примере формирования и фиксации лексики чешского языка в эпоху Национального Возрождения).* *Acta Slavica Estonica III. Slavica Tartuensia X.* Славистика в Эстонии и за её пределами. Тарту, 2013, с. 31–43.
4. Аксенова 2002 — Е. П. Аксенова. *Соотношение славянской и национальной идеи в общественной мысли и освободительном движении славянских народов.* Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов, вып. 4. Брянск, 2002, с. 416–421.
5. Античные теории 1996 — *Античные теории языка и стиля.* Под ред. О. М. Фрейденберга. Санкт-Петербург, 1996.
6. Аристотель 1998 — Аристотель. *Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории.* Минск, 1998.
7. Беликов, Крысин 2001 — В. И. Беликов, Л. П. Крысин. *Социолингвистика.* Москва, 2001.
8. Берков 1977 — В. П. Берков. *Слово в двуязычном словаре.* Таллин, 1997.
9. Бобраков-Тимошкин 2011 — А. Бобраков-Тимошкин. *Почему в Чехии не было модернизации? Несколько трансформаций и одна нормализация.* Неприкосновенный запас, № 1 (75). Москва, 2011. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/1/ti15.html>
10. Борисова 1997 — М. Б. Борисова. *Идеологическая коннотация, формирующая прагматический компонент значения слова, и её*

- лексикографическое отражение. Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания.* Санкт-Петербург, 1997, с. 27–30.
11. БСЭ 1971 — *Большая Советская Энциклопедия.* Под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. Т. 1–30. Москва, 1969–1978.
 12. Будагов 1989 — Р. А. Будагов. *Толковые словари в национальной культуре народов.* Москва, 1989.
 13. Вахтин, Головкин 2004 — Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. *Социолингвистика и социология языка.* Санкт-Петербург, 2004.
 14. Вольман 1978 — С. Вольман. *Значение традиций прошлого для становления и развития национальных культур славян XVIII – XIX вв. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII – XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО.* Москва, 1978, с. 37–42.
 15. Воркачев 2012 — С. Г. Воркачев. *Лингвоидеологема «народ» в русской паремиологии.* Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 2. Краснодар, с. 155–158.
 16. Гак 1990 — В. Г. Гак. *Словарь.* Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. Москва, 1990, с. 462–464.
 17. Гердер 1959 — И. Г. Гердер. *Избранные сочинения.* Москва, Ленинград, 1959.
 18. Гладкова 2001 — Н. Gladkova. *Символические функции стандартного языка и поиски «золотого века». Чешско-болгарские параллели эпохи национального Возрождения.* Slavia, roč. 70, Praha, 2001, s. 335–351.
 19. Гланц 2004 — Т. Гланц. *Чешская версия языкового строительства: Национальное возрождение и его остаточные идеологемы.* Новое литературное обозрение, № 68. Москва, 2004, с. 231–241.
 20. Горизонтов 2005 — Л. Е. Горизонтов. *Славянские народы и империи в долгом XIX веке. Размышления о векторах исследований.* Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XIX века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов (23 – 24 октября 2003 г.). Москва, 2005, с. 115–129.

21. Гухман 1990 — М. М. Гухман. *Литературный язык*. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. Москва, 1990, с. 270–271.
22. Запрудский 2006 — С. Запрудский. *Белорусский и чешский языковой пуризм: общее и специфическое*. Cesty k národnímu obrození: běloruský a český model. Sborník příspěvků z konference konané 4.–6.7.2006 v Praze. Praha, 2006, s. 239–259.
23. Злыднев, Мыльников 1978 — В. И. Злыднев, А. С. Мыльников. *Общие закономерности и особенности историко-культурного развития славянских народов XVIII – 70-х годов XIX в.* Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII – XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. Москва, 1978, с. 8–23.
24. История 1956 — *История Чехословакии*. Т. I – III. Под ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова. Москва, 1956.
25. История 2008 — *История южных и западных славян*. Т. I–II. Под ред. Г. Ф. Матвеева и З. С. Ненашевой. Москва, 2008.
26. Кибрик 1990 — А. Е. Кибрик. *Язык*. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. Москва, 1990, с. 604–606.
27. Корженский 2002 — Я. Корженский. *Чешский язык как язык национальный*. Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). Москва, 2002, с. 71–110.
28. Корованенко 1997 — Т. А. Корованенко. Семантика и прагматика в толковом словаре. Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания. Санкт-Петербург, 1997, с. 18–27.
29. Корычанкова 2011 — С. Корычанкова. *История, современное состояние и новые тенденции составления русско-чешских и чешско-русских переводных словарей*. Вестник Томского университета. Филология. Вып. 3. Томск, 2011, с. 54–58.
30. Краткая история 1988 — *Краткая история Чехословакии*. Москва, 1988.
31. Кубрякова и др. 1996 — Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва, 1996.
32. Лебедева 1990 — О. В. Лебедева. *Идеи «всеславянства» в Чехии и Словакии в первой половине XIX века*. Материалы школы молодых

- славистов и балканистов. Звенигород, сентябрь 1988 г. Москва, 1990, с. 98–107.
33. Макова 1987 — Е. С. Макова. *История южных и западных славян. Период феодализма (VI – середина XVIII века)*. Под ред. В. Г. Карасева. Москва, 1987.
34. Матвеева 2003 — Т. В. Матвеева. *Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика*. Москва, 2003.
35. Миллер 1978 — И. С. Миллер. *Культура и проблемы социальных и национально-освободительных движений славянских народов*. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII – XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. Москва, 1978, с. 29–35.
36. Мокиенко 2012 — В. М. Мокиенко. *Славяно-германские языковые связи в европейском контексте*. Славянский мир: единство и многообразие. Москва, 2012. URL: <http://slavprostranstvo.ru/page/page38.html>
37. Мыльников 1966 — А. С. Мыльников. *Идейно-политические предпосылки зарождения национально-просветительской идеологии в Чешских землях*. Славянское Возрождение: сборник статей и материалов. Москва, 1966, с. 3–47.
38. Мыльников 1971 — А. С. Мыльников. *Чешская книга. Очерки истории (Книга. Культура. Общество)*. Москва, 1971.
39. Мыльников 1973 — А. С. Мыльников. *Йозеф Юнгман и его время*. Москва, 1973.
40. Мыльников 1974 — А. С. Мыльников. *«Чешское» и «моравское» общественное сознание в XVIII в. К вопросу о вызревании национального самосознания и роли исторической альтернативы в процессе формирования нации*. Культура и общество в эпоху становления наций. (Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII – 70-х годах XIX в.). Москва, 1974, с. 41–54.
41. Мыльников 1982 — А. С. Мыльников. *Культура чешского Возрождения*. Ленинград, 1982.
42. Мыльников 1997 — А. С. Мыльников. *Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII – XIX вв.* Санкт-Петербург, 1997.

43. Нидерхаузер 1978 — Э. Нидерхаузер. *Типы историко-славянского развития славянских народов*. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII – XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. Москва, 1978, с. 35–37.
44. Освободительные движения 1980 — *Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г.* Москва, 1980.
45. Попова, Стернин 1999 — З. Д. Попова, И. А. Стернин. *Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях*. Воронеж, 1999.
46. Прохоров 2008 — Ю. Е. Прохоров. *В поисках концепта*. Москва, 2008.
47. Складаревская 1997 — Г. Н. Складаревская. *К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы?* Лингвистическая прагматика в словаре: виды и способы описания. Санкт-Петербург, 1997, с. 6–13.
48. Скорвид 2005 — С. С. Скорвид. *Чешский язык*. Языка мира: Славянские языки. Москва, 2005, с. 234–274.
49. Слышкин 2000 — Г. Г. Слышкин. *От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. Москва, 2000.
50. Сорока 2002 — И. В. Сорока. *Заимствование как отражение и результат взаимодействия языков и культур (на материале чешского языка эпохи национального Возрождения)*. Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 8: Лексикология и лексикография (русско-славянский цикл), Часть 2. Санкт-Петербург, 2002, с. 21–28.
51. Стемковская 1999 — Ю. Е. Стемковская. *Лексика Я. Коллара как один из источников «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгмана*. Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. Москва, 1999, с. 161–182.
52. Стемковская 2000 — Ю. Е. Стемковская. *Образ человека в чешской культуре*. Язык как средство трансляции культуры. Москва, 2000, с. 85–101.

53. Степанов 1990 — Г. В. Степанов. *Национальный язык*. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. Москва, 1990, с. 325–326.
54. Степанов 1997 — Ю. С. Степанов. *Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования*. Москва, 1997.
55. Удальцов 1951 — И. И. Удальцов. *Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году*. Москва, 1951.
56. Фрейдзон 1978 — В. И. Фрейдзон. *Национальное и интернациональное в истории славянских народов (диалектика взаимоотношений и отражение в общественной мысли XIX – начала XX века)*. Методологические проблемы истории славистики. Москва, 1978, с. 191–206.
57. Чешская нация 1989 — *Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 – начало 70-х годов XIX в.* Москва, 1989.
58. Чуркина 2005 — И. В. Чуркина. *Некоторые особенности славянского возрождения*. Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XIX века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов (23 – 24 октября 2003 г.). Москва, 2005, с. 151–164.
59. Шимов 2005 — Я. Шимов. *История как публицистика и публицистика как история. О том, как чешские литераторы создали свой народ*. Иностранная литература, № 3. Москва, 2005, с. 259–269.
60. Широкова, Нецименко 1978а — А. Г. Широкова, Г. П. Нецименко. *Становление литературного языка чешской нации*. Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков. Москва, 1978, с. 9–85.
61. Широкова, Нецименко 1978б — А. Г. Широкова, Г. П. Нецименко. *Возрождение чешского литературного языка как необходимый компонент формирования чешской нации*. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII – XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. Москва, 1978, с. 128–133.
62. Широкова 1990 — А. Г. Широкова. *Чешский язык*. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. Москва, 1990, с. 581.

63. Широкова и др. 1990 — А. Г. Широкова, В. Ф. Васильева, А. Едличка. *Краткий очерк развития литературного чешского языка*. Чешский язык. Москва, 1990, с. 12–22.
64. Язык и сознание 2002 — *Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии*. Под ред. З. Д. Поповой, И. А. Стернина. Воронеж, 2002.
65. Abisogomjan 2012. — I. Abisogomjan. *K otázce periodizace dějin české lexikografie doby národního obrození. Čeština vU pohledu synchronním a diachronním - Stoleté kořeny Ústavu pro jazyk český*. Praha, 2012, s. 247 - 252.
66. Berger 2001 — T. Berger. *Sprache und Nation. Deutsche und Tschechen. Geschichte – Kultur – Politik*. Hrsg. von W. Koschmal, M. Nekula, J. Rogall. Münschen, 2001, s. 186–192.
67. Berger 2009 — T. Berger. *Tschechisch-deutsche Sprachbeziehungen zwischen intensiven Kontakt und puristischer Gegenwehr. Unsere sprachlichen Nachbarn in Europa. Die Kontaktbeziehungen zwischen Deutsch und seinen Grenznachbarn*. Hrsg. C. Stolz. Bochum, 2009. URL: <http://homepages.uni-tuebingen.de/tilman.berger/Publikationen/BergerBremen.pdf>
68. Berger 2013 — T. Berger. *Purismus und Sprachtypologie. Bilingualer Sprachvergleich und Typologie: Deutsch – Tschechisch*. Hrsg. M. Nekula, K. Šíchová und J. Valdřová. Tübingen, 2013. URL: <http://homepages.uni-tuebingen.de/tilman.berger/Publikationen/BergerRegensburg.pdf>
69. Čmejřková a jin. 1996 — S. Čmejřková, F. Daneš, J. Kraus, I. Svobodová. *Čeština, jak ji znáte i neznáte*. Praha, 1996.
70. Engelhardt 2001 — G. Engelhardt. *Český a německý purismus z konce 19. — století*. Naše řeč, roč. 84, číslo 5, 2001, s. 235–244.
71. Haller 1946 — J. Haller. *Albert Pražák. Národ se bránil*. Naše řeč, roč. 30, číslo 6–7, 1946, s. 134–139.
72. Havránek 1963 — B. Havránek. *Josef Jungmann a český jazyk. Studie o spisovném jazyce*. Praha, 1963, s. 195–199.
73. Havránek 1974 — B. Havránek. *Jungmannový význam pro nový rozvoj slovní zásoby spisovné češtiny*. Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. Výročí narození Josefa Jungmanna. Praha, 1974, s. 195–203.
74. Hladíková 1986 — J. Hladíková. *Složená slova přejatá z němčiny a Jungmannův Slovník česko-německý*. Naše řeč, roč. 69, číslo 1, 1986, s. 6–12.

75. Hladká, Martincová 2013 — Z. Hladká, O. Martincová. *Tradice a současnost české lexikografie*. Славянская лексикография. Международная коллективная монография. Москва, 2013, с. 340–369.
76. Hrbáček 1986 — J. Hrbáček. *Úvod do studia českého jazyka*. Praha, 1986.
77. Kamiš 1974 — A. Kamiš. *Slovní zásoba v Jungmannově slovníku*. Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17). Praha, 1974, s. 67–76.
78. Křístek 1974 — V. Křístek. *Dobrovský, Jungmann a předpoklady českého jazykového obrození*. Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha, 1974, s. 115–121.
79. Macura 1995 — V. Macura. *Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ*. Praha, 1995.
80. Macura 2001 — V. Macura. *Die Handschriften oder Mystifizierung auf Tschechisch*. Deutsche und Tschechen. Geschichte – Kultur – Politik. Hrsg. von W. Koschmal, M. Nekula, J. Rogall. Münschen, 2001, s. 637–645.
81. Nekula 2001 — M. Nekula. *Der tschechisch-deutsche Bilinguismus*. Deutsche und Tschechen. Geschichte – Kultur – Politik. Hrsg. von W. Koschmal, M. Nekula, J. Rogall. Münschen, 2001, s. 208–217.
82. Šlosar 2001 — D. Šlosar. *Deutsch-tschechische Sprachkontakte*. Deutsche und Tschechen. Geschichte – Kultur – Politik. Hrsg. von W. Koschmal, M. Nekula, J. Rogall. Münschen, 2001, s. 148–155.
83. Šmídová 2001 — O. Šmídová. *Deutsch-tschechische Spiegelbilder*. Deutsche und Tschechen. Geschichte – Kultur – Politik. Hrsg. von W. Koschmal, M. Nekula, J. Rogall. Münschen, 2001, s. 516–527.
84. Šmilauer 1974 — V. Šmilauer. *Jungmannův slovník česko-německý*. Slavica Pragensia XVII. Praha, 1974, s. 43–56.

Словари

1. Даль 1912–1914 — *Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля*. I–IV. 4-е изд., испр. и доп. Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртэнэ. Санкт-Петербург, Москва, 1912–1914.
2. Евгеньева 1999 — *Словарь русского языка*. I–IV. 4-е изд., стер. Под ред. А. П. Евгеньевой.
3. Немецко-русский словарь 1997 — *Большой немецко-русский словарь*. I–III. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва, 1997.
4. Срезневский 1989 — *Словарь древнерусского языка*. Репринтное издание. I–III. Москва, 1989.
5. Чешско-русский словарь 1976 — *Чешско-русский словарь*. I – II. Под ред. Л. В. Копецкого и Й. Филиппа. Москва, Прага, 1976.
6. DUDEN 1976–1981 — *Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*. 6 Bände. Mannheim, 1976–1981.
7. Jungmann 1835–1839 — J. Jungmann. *Slovník česko-německý*. I–V. Praha, 1835–1839.
8. PSJČ 1935–1957 — *Příruční slovník jazyka českého*. I–IX. Hl. red. В. Havránek. Praha, 1935–1957.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, **Anastasia Zlobina** (isikukood: 49204070271)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose

**„Keele- ja ideoloogilise doktriini kajastus J. Jungmanni „Tšehhi-saksa sõnastikus“
tšehhi rahvuslikul ärkamisajal“**

mille juhendaja on

lektor Irina Abisogomjan

1.1.reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;

1.2.üldsusele kättesaadavaks tegemiseks ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.

2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, 29.05.14

(allkiri)